SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- В. В. Огарков
  -
  - Предисловие
  - Глава I. Петр Великий и тульские кузнецы
  - Глава II. Урал и его пионеры
  - Глава III. Кузнецы – властелины Урала
  - Глава IV. Увеличение богатств и могущества Демидовых
  - Глава V. В погоню за золотом
  - Глава VI. Не в отцов дети
  - Глава VII. Демидовы-европейцы
  - Источники
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

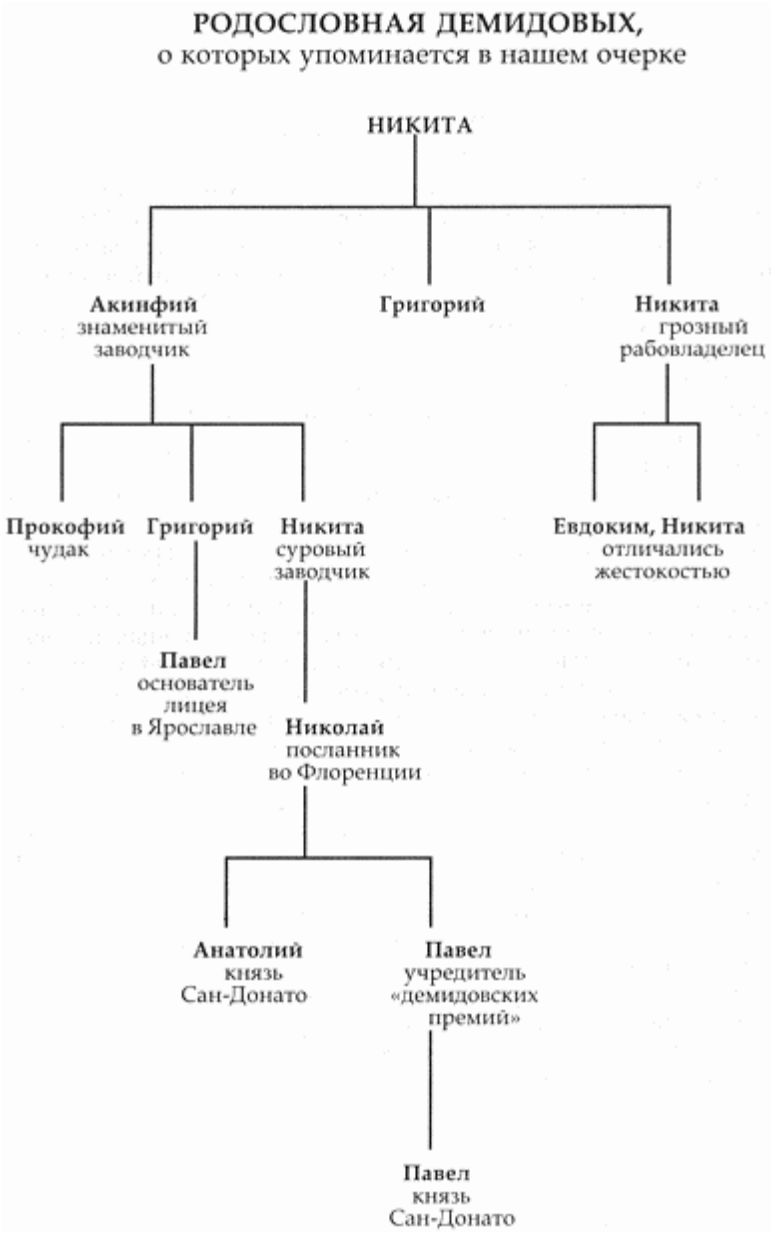
В. В. Огарков
Демидовы
Их жизнь и деятельность
Биографический очерк
С портретом Акинфия Демидова, гравированным в Лейпциге Геданом, и другими иллюстрациями

Предисловие

Фамилия Демидовых пользуется громкою известностью. Быстрое возвышение, громадное богатство, широкая благотворительность и большие услуги, оказанные представителями этой фамилии русскому горному делу, а также крайне оригинальные поступки и чудачества некоторых из Демидовых – обращали на себя внимание не только у нас, в России, но и за границею.

Самыми интересными лицами из фамилии Демидовых являются бесспорно ее родоначальники – тульские кузнецы Никита и сын его Акинфий, деятельности которых главным образом и посвящается наше исследование. Эта деятельность, как по характеру первых Демидовых, упрочивших горное дело в России и основавших много новых производств, так и по особенностям Петровской эпохи, представляет огромный интерес. С уральского периода жизни тульских кузнецов, с которым, собственно, и связана их слава и историческое значение, все наше внимание приковывает выступающая на первый план личность старшего сына Никиты – Акинфия, между тем как два младших сына первого Демидова не оставили особенных следов в истории горного дела на Руси. Акинфию, распоряжавшемуся всем от своего имени и от имени отца, Урал и Сибирь обязаны устройством многочисленных заводов и рудников, а потомки – своими громадными богатствами.

Хотя и другие представители рода Демидовых могут занимать исследователя в том или другом отношении – как основатели заводов, как господа своих крепостных, как богачи, не знавшие, куда девать доставшееся им гигантское наследство, или наконец как “чудаки”, – в связи с интересными общественными отношениями эпох, в которые им приходилось жить и действовать, – но мы, по самым размерам нашего труда, должны остановиться только на наиболее характерных портретах из галереи потомков тульских кузнецов, породнившихся, в лице Анатолия, князя Сан-Донато, с династией Бонапартов.



Родословная Демидовых, о которых упоминается в нашем очерке

Глава I. Петр Великий и тульские кузнецы

Петровская эпоха. – Титан-царь и бедная Русь. – Горное дело на Руси до Петра. – Основание первого железного завода. – Заботы Петра о горном деле. – Роль "случайных" людей в истории. – Никита и Акинфий Демидовы. – Детство и воспитание их. – Встреча с Петром. – Первые ружья. – Завод в Туле. – Успехи Никиты. – Благоволение царя

Немного найдется таких интересных эпох во всемирной истории, как Петровское время на Руси. С одной стороны, титаническая личность Петра, его непреклонная воля, могучая энергия и самые фантастические планы обновления России, с другой – эта бедная, некультурная страна, затерявшаяся среди болот и топей, измученная татарским гнетом, "собиранием" Москвы, эпохою междуцарствия и недавно миновавшею "разинщиною", – представляли в своем роде единственный контраст. Для историка-философа, защищающего классический принцип "делания" истории только героями, то есть лицами, одаренными титаническими свойствами, это время, когда могучая воля царя, казалось, решительно двинула косневший в невежестве народ на путь европейского просвещения, представляет великолепный аргумент в пользу его теории. Но и для историка-социолога, представителя боклевского взгляда на историю, эпоха Петра I даст немало материалов в защиту совсем иного положения, что в стихийно, веками слагавшейся жизни масс, как в безграничном море, может исчезнуть или оставить лишь незначительные следы энергия личности, будь эта личность даже гением.

И действительно, титан-царь напрасно будил бедную и больную страну пинками и дубинкой: в ней было еще слишком мало сил для принятия новых веяний, она еще не оправилась от прежних забот. И это единственное, кажется, в мировой истории зрелище, – насаждение европейской цивилизации в полудиком народе, которым были тогдашние русские, при помощи пыток, застенка и казней, – не могло, конечно, сопровождаться лишь одними плодотворными результатами. В муках Петровского переворота, выкупавшись в крови стрелецких казней и беспощадно подавленных бунтов, после судорог сверхъестественных усилий, Русь не обновилась вполне, как желал того гений Петра, и не набралась настолько сил, чтобы верным шагом идти к намеченной Преобразователем цели. Если

же Петр был необходимым орудием исторического процесса и первый решительно приобщил Русь к европейскому просвещению, то, с другой стороны, по мнению славянофилов, те нечеловеческие усилия, которые требовались от утомленной страны, та регламентация, наперекор веками сложившемуся строю, даже мельчайших проявлений общественной и частной жизни на западный лад, – регламентация, поддерживаемая угрозами строгих наказаний, как бы надорвали силы государства и, может быть, даже, что реформы Петра, требовавшие такой необычайной затраты неокрепших народных сил, сделали то, что, спустя двести лет после него, мы являемся по-прежнему отсталым народом и далеки еще до полного осуществления желаний царя-работника, прорубившего могучею рукою окно в Европу. Так организм, измученный “переутомлением” и муштровкою в детстве, является в умственном отношении малопроизводительным в эпоху зрелости.

Обширная деятельность предстояла Петру при вступлении на царство. Его изумительной энергии приходилось разбрасываться и поспевать всюду. Пылкий юноша, ставший потом фанатиком идеи немедленного пересоздания России, он, во время путешествия по Европе, знакомится с хорошими порядками, благоустройством, с великими произведениями наук и искусств, и на своей родине находит лишь бедность и невежество. На необъятном пространстве своего отечества он встречает редко разбросанные города с деревянными постройками, похожие на деревни и бедные села. Болота, леса, степи, – не заселенные, плохо возделанные, – вот его родина. Нет ни школ, ни памятников искусства, ни хорошего войска и флота, ни заводов и фабрик, ни даже хороших ремесленников. И фанатической идее обновления этого веками сложившегося быта и преобразования его в благоустроенное государство приносятся гекатомбы человеческих жертв, и, во славу будущего, в шведской и турецкой войнах, при постройке новой столицы у самого моря, при устройстве многочисленных крепостей, городов и верфей гибнут сотни тысяч “пушечного мяса”.

Горное дело на Руси было в таком же печальном положении, как и другие отрасли государственного хозяйства, и Петру вскоре пришлось почувствовать все неудобства этого. Являясь, по количеству и качеству полезных ископаемых, одною из самых богатейших стран в мире, если не самою богатою, Русь в то же время едва ли не беднейшее государство по предприимчивости и приемам для разработки горных богатств. И, понятно, при Петре I это несоответствие, плохо рекомендующее культуру страны, являлось еще в более резких формах.

Первые сведения о горном деле в России имеются из эпохи Иоанна III, когда, по свидетельству Карамзина, в бассейне реки Печоры были открыты серебряные и медные руды. Затем в 1571 году Иван Васильевич Грозный просил шведского короля, чтобы тот уступил ему рудное месторождение близ границы, но чем кончилось это ходатайство – неизвестно. Первый завод для выделки железа был построен правительством во время Михаила Феодоровича, в 1628 году, в нынешней Тобольской губернии, – Ницынский. Но, конечно, слово “завод”, – если понимать его в нынешнем значении, когда под этим именем разумеют громадные устройства, стоящие сотни тысяч и даже миллионы, – слишком громко для простой кузницы, которой в сущности являлся вышеуказанный завод и в котором изготовлялось в небольших количествах плохое железо. Подобные кузницы, но только меньших размеров, издавна, впрочем, были известны в России; в них получалось железо прямо из железных руд, в небольших особенного устройства печах. Это, так сказать, “кустарное” производство металла было настолько незначительно, что далеко не удовлетворяло потребностей в нем, и до XVI века наша родина в значительной степени пользовалась привозным железом.

Более определенные указания на появление у нас сравнительно больших заводских устройств, далеких, однако, по своим размерам и средствам от громадных заводов современного промышленного типа, относятся только к концу XVII столетия. Впрочем, как “кустарное” производство, так и вновь устроенные заводы обрабатывали только самый прозаический, но тем не менее самый необходимый металл – железо. Что же касается до получения и обработки более “благородных” металлов, то эта область у нас была в то время почти неведомою. Хотя всевозможные руды лежали чуть не на поверхности почвы, но недостаток предприимчивости, капитала и знания, а также весь строй тогдашней общественной жизни не позволяли ими пользоваться. Даже Уральская горная цепь, протянувшаяся на 700 верст в длину и 150 в ширину и заключающая в своих недрах неисчерпаемые минеральные богатства, оставалась девственною до самой середины XVII столетия, когда на Урале был построен первый чугуноплавильный и железоделательный завод – Пыскорский (1640 год). Вообще говоря, горное дело на Руси даже при Алексее Михайловиче представляло только попытку или случайный промысел и притом в самых бедных размерах. Только уже к концу XVII века правительство, нуждаясь в железе, построило на Урале еще несколько плохих заводов.

И в таком младенческом состоянии было горное дело у нас в то время, когда оно за собою имело в Европе целые столетия.

Поневоле приходилось металлы привозить из-за границы и даже железо и сталь русские чуть не до конца XVII века не переставали получать из Швеции (свейское железо), что представляло большие неудобства, особенно во время войны с этим государством, когда эти металлы значительно поднимались в цене и провоз их через границу затруднялся.

Петр I, в своей борьбе со Швецией, испытывал большой недостаток в металлах: известно, что он переливал даже церковные колокола на пушки, чем немало способствовал утверждению за собой в народе названия “антихриста”. Царь поневоле должен был обратить внимание на горное дело, получившее для него такую большую важность. Пришлось, конечно, и здесь обратиться к Европе. Не рассчитывая на доморощенные знания и предприимчивость, Петр выписал из-за границы “рудознатных” мастеров и специалистов по горнозаводскому делу. В числе их был и знаменитый Геннин – основатель заводского дела в Олонецком крае, работавший на Урале, – человек большой энергии и знания.

Но “случайная” встреча Петра с Демидовым поставила вопрос о горном деле на иную почву: она дала толчок частной предприимчивости и послужила причиною к основанию и развитию, – правда, на счет государства и путем больших жертв, – многих заводов в России.

“Случайные” встречи и “случайные” люди играли большую роль в русской истории, как, впрочем, и в истории других малокультурных народов. Известно, что и при Петре I были эти “случайные” люди: “безродный баловень счастья”, могущественный князь Меншиков, человек корыстолюбивый и жестокий, но громадных способностей, был, как известно, возвышен из пирожников; Шафиров и некоторые другие сподвижники царя были людьми низкого звания. Но между “случайными” людьми при Петре I и такими же, например, в царствование Екатерины II – была существенная разница. Между тем, как петровские любимцы редко не оправдывали своими способностями доверия царя и, в случае проступков, многие из них получали суровое возмездие, – при Екатерине II в вершители судеб государства попадали люди совершенно ничтожные в умственном отношении, и послабления государыни делали их безнравственные качества особенно вредными государству.

Такими “случайными” способными людьми при Петре были и оказавшие громадные услуги горному делу в России два тульских кузнеца, Никита и сын его Акинфий Антуфьевы – родоначальники знаменитой горнозаводской “династии” Демидовых, близкие потомки которых были известны всей Европе по своему

громадному богатству, мотовству и чудачествам. Правнук тульского кузнеца Акинфия, “великолепный” князь Сан-Донато, Анатолий, был женат на родной племяннице Наполеона I графине Матильде де Монфор. История Демидовых, начинающаяся грубым кузнецом, работавшим у хозяина за алтын в неделю, и кончающаяся князьями Сан-Донато, обладателями миллионных доходов, собственниками неоценимых коллекций художественных предметов и владельцами роскошного поместья Медичисов-Пратолино, – могла бы быть интересным сюжетом для какой-нибудь романтической легенды или фантастической сказки.

О детстве Никиты (родился в 1656 году) и Акинфия (родился в 1678 году) Демидовых мы не имеем сведений: история застает их уже взрослыми людьми. Мы знаем только, что отец Никиты, Демид Григорьевич Антуфьев, был крестьянин деревни Павшиной, около Тулы, и переселился в город для занятия кузнечною работою; известно еще, что Никита остался малолетним после отца и очень любил свою старую мать, которой, по рассказу Бантыша-Каменского, послал первые 5 алтын, заработанные в Туле, – за то, что “поила и кормила его”. Но мы можем предполагать, что детство будущих богачей прошло в суровых лишениях и тяжелом труде, так как только при подобных обстоятельствах могли выработаться такой могучий характер и та энергия в преследовании раз намеченной цели, какие мы встречаем у Акинфия.

В ту эпоху, когда начали свою деятельность первые Демидовы, ни в общественную жизнь, ни в редкие на ту пору на Руси школы не проникали те начала гуманности, которые составляют достояние последнего времени и осуществятся вполне, может быть, только в далеком будущем. Это был век жестоких нравов, суровых характеров и беспощадного отношения к тем, кто считался виновным и не мог спастись “протекциею”. Самым ярким воплощением этих свойств эпохи является величаво ужасная в своих проявлениях личность Петра. Многочисленные процессы по “слову и делу” показывают, до чего тогда мало ценилась жизнь человека и какими средствами каралась его “злая воля”. И нам теперь кажутся даже невероятными эти случаи, когда люди, зная, что их ждет, и как бы презирая физические страдания, все-таки кричали страшное “слово и дело”. Застенки лютого Преображенского приказа, где действовали такие люди, как князь Ромодановский и впоследствии Андрей Иванович Ушаков, – были слишком плохою школою для развития гуманных чувств. Понятно, что и первые Демидовы были плотью от плоти и костью от кости тогдашнего общества. По крайней мере, как мы увидим впоследствии, такими рисуют их имеющиеся у нас

данные.

Был ли грамотен Никита Демидов – на этот счет не имеется точных указаний: при даче сведений о количестве имеющегося у него железа известному Василию Никитичу Татищеву и в других случаях он приказывал расписываться за себя своим приказчикам и сыну Акинфию. Существуют, однако, указания и на то, что он мог, с грехом пополам, читать и писать. Что же касается Акинфия, то он получил все то образование, которое могла ему дать тульская школа того времени: он умел читать и писать по-церковному, и долго у него еще и впоследствии, когда демидовские заводы производили уже продуктов ежегодно на сотни тысяч рублей, – сумма громадная для того времени, – все записи в торговых и заводских книгах велись церковнославянскими литерами. Не забудем, впрочем, того, что грамота составляла удел немногих в тогдашней Руси: даже знаменитые члены Верховного Тайного Совета, как это видно из подлинных документов, с трудом выводили неуклюжими буквами свои подписи на бумагах. Если и плохо было образование первых Демидовых, как и большинства обитателей России в то время, зато у них была та природная сметливость, которою отличаются многие русские люди, способность к труду, энергия и техническая сноровка, приобретенная личною работою в мастерских.

Относительно того, каким образом Никита сделался известен Петру, существует несколько рассказов. По одному из них, наиболее достоверному, Никита, во время проезда через Тулу какого-то из петровских вельмож (вероятно, Шафирова), не только исправил путешественнику испортившийся пистолет знаменитого оружейника Кухенрейтера, но и сделал другой по тому же образцу, нисколько не уступавший оригиналу. Шафиров тогда же обратил внимание царя на сметливого тульского оружейника. Петр, проезжая через Тулу из Воронежа в 1696 году, хотел заказать несколько алебард по иностранному образцу, и на вызов его явился только один Никита. При этом, по преданию, произошла следующая сцена. Царь, плененный ростом, силою и статностью красивого кузнеца, сказал, обращаясь к окружающим:

– Вот молодец! Годится в Преображенский полк, в гренадеры!

Солдатчина тогда в глазах народа была одним из самых тяжелых наказаний, и немудрено, что Никита повалился в ноги грозному царю и стал просить, ради престарелой матери, помиловать его.

– Если таких 300 алебард сделаешь, то помилую, – сказал Петр.

Кузнец исполнил работу вдвое скорее, чем назначил царь, и получил за нее тройные деньги от Петра, умевшего быть и

милостивым.

Существует несколько вариантов рассказа о первой встрече Петра I с Демидовым; но здесь их все приводить нет надобности. Как о всяких событиях, где принимают участие крупные личности, и около этой встречи знаменитого кузнеца со знаменитым царем существует целый круг легендарных сказаний. Вот одно из них, по которому уже не Шафиров, а сам Петр отдал Никите для починки испортившийся пистолет работы Кухенрейтера. Когда кузнец исправил его и принес к царю, то последний обратил внимание на великолепную работу и жалел, что у него нет мастеров, чтобы делать такое оружие.

– И мы, царь, против немца постоим! – сказал Никита.

Царь уже не раз слышал эти ненавистные слова, – “закидаем шапками!” – от своих московских бояр, к тому же он выпил анисовки, и его ретивое не стерпело: он ударил в лицо Демидова и закричал:

– Ты, дурак, сначала сделай, а потом хвались!

– А ты, царь, сначала узнай, а потом дерись! – ответил Никита и подал Петру сделанный им новый пистолет, нисколько не уступавший по работе заграничному. Горячий царь смилостивился и извинился перед кузнецом.

Как бы то ни было, но достоверно известно, что Никита вскоре после первой встречи с Петром доставил ему в Москву шесть отлично сделанных ружей и назначил платы по 1 руб. 80 коп. за каждое, тогда как до этого казна платила за них за границу по 12 и даже по 15 рублей за штуку.

Это было во время шведской войны. Понятно, царь обрадовался, что отыскал такого диковинного кузнеца у себя на родине, поцеловал Никиту, подарил ему 100 рублей и сказал: “Постарайся, Демидыч, распространить свою фабрику, я не оставлю тебя!” Петр, не терпевший откладывать дела в долгий ящик, тут же приказал отвести Демидову в 12 верстах от Тулы, в Малиновой Засеке, несколько десятин земли для добывания железной руды и жжения угля.

Таким образом, при помощи царя, увидевшего в Никите предприимчивого и искусного мастера, Демидов построил в устье реки Тулицы большой железный завод с вододействующими машинами и стал поставлять в казну, по дешевым ценам, хороших качеств ружья, не уступавшие иностранным, и в Пушкарский приказ – разные военные снаряды. Царь не забывал своего любимца и в 1701 году дозволил ему увеличить завод, отдал в собственность лежавшие около Тулы стрелецкие земли и для выжига угля приказал отвести в Щегловской Засеке полосу во всю ширину ее и на пять верст в длину, с исключительным

правом копать руду в Малиновой Засеке только одному Демидову. Таким образом, великий царь по отношению к “Демидычу” практиковал “протекционистскую” систему, и завод счастливого кузнеца был вполне обеспечен и материалами, и сбытом своих произведений.

Впрочем, Петр, ставя всегда полезные для государства меры на первый план и не стесняясь прежними своими распоряжениями, скоро запретил “Демидычу” рубить в Щегловской Засеке клен, дуб и ясень, необходимые для постройки многочисленных кораблей. Это обстоятельство, затруднявшее заводчика вследствие недостатка необходимого горючего материала, послужило причиною события, которое и выдвинуло Демидова на вид, доставило ему в истории горного дела России одно из самых почетнейших мест и, вместе с тем, дало фамилии Демидовых то колоссальное богатство, которое могло обеспечить их царскую роскошь.

Если бы Демидовы ограничились только своею деятельностью в Туле, то, вероятно, история не имела бы в них в своем роде героев, создавших и упрочивших на Руси целую отрасль государственного хозяйства. Руды около Тулы были не особенно высоких качеств, и производительность тульского завода не могла быть значительною. Демидовых ждал к себе почти девственный и пустынный Уральский хребет со своими знаменитыми горами, состоящими из сплошной великолепнейшей руды, с неисчерпаемыми и разнообразными минеральными богатствами, с чудесными золотыми и платиновыми россыпями... А за Уралом были сибирские степи и горы, еще более пустынные и ждавшие предприимчивых пионеров. Там было где развернуться тульским кузнецам! И история, в которой мерилом значения личности и ее геройских свойств является, – что бы там ни говорили историки, – во многих еще случаях, достигнутый личностью в ее начинаниях внешний успех, – имеет полное право вписать в свои скрижали имена первых Демидовых: их успех на Урале был громаден.

Глава II. Урал и его пионеры

Уральские горы. – Их богатства. – Постройка Невьянского завода. – Обед с кузнецами. – Отдача заводов Демидову. – "Правые слезы" и "обидные воздыхания". – Приписка крестьян к заводам. – "Протекционизм" Петра. – Старый дом в Невьянске. – Портрет Никиты. – Страшная башня. – Легенды и предания. – Никита – комиссар и дворянин. – "Крапивное семя". – Доносы на Демидова. – Дешевые цены изделий. – Подарок на "зубок" царевичу. – Судоходство и судостроение

Уральская горная цепь, разделяющая Европу от Азии, давно была известна своими минеральными богатствами и в руках знающего горное дело и предприимчивого населения могла бы давно уже давать громадное количество металлов. В ее недрах и в долинах ее речек встречаются, без преувеличения, все представители минерального царства, начиная с каменного угля и кончая алмазами. В целом мире не найдется таких богатейших месторождений железной руды, – которой хватит на целые века, – как уральские горы Магнитная (Высокая) и Благодать. Эту отдаленную окраину русского государства, к которой с запада примыкали башкирские степи с диким кочевым населением и за которою начиналась уже Сибирь, – место ссылки и заточений, – суждено было оживить Демидовым. Хотя на Урале и были построены казенные заводы еще при Алексее Михайловиче, но они работали крайне неисправно, часто останавливались, изделия их обходились дорого и производительность была ничтожною.

В 1696 году верхотурский воевода Протасьев представил Петру Великому образцы магнитной руды с речки Тагил и железной – с реки Нейвы. Царь послал ее испытать за границу, в Амстердам, к тамошнему бургомистру, знатоку горного дела, и в Ригу. Часть кусков была передана и Демидову. По испытании руды оказались превосходных качеств и содержали большое количество железа. А Демидов, приготовив из полученной руды несколько ружей, замков и бердышей, объявил, что невьянское железо не хуже "свейского" (шведского), пользовавшегося европейской известностью. Царь, у которого дело, что называется, кипело в руках, построил в 1698 году завод на Нейве. Полученное в 1702 году железо было испытано на Пушечном дворе, а также и Демидовым, который приобрел уже в глазах Петра значение опытного советника; железо было найдено по-прежнему превосходным.

Тогда-то в голове смелого тульского кузнеца, – особенно

ввиду запрещения получать лес около Тулы, – и родилась мысль перенести свою главную деятельность в далекий, пустынный, но богатый край.

По одному из современных рассказов, царь был в Москве и садился за обед со своими приближенными, когда ему доложили о приходе Демидовых – Никиты и сына его Акинфия, которого Петр уже и раньше знал. Кузнецы были в простых "кожанах", но царь-работник не знал этикетов и посадил "Демидыча" с сыном за свой стол. Никита стал просить об отдаче ему Невьянских заводов, и царь согласился на его просьбу.

Что побудило Петра согласиться на отдачу в частные руки, за ничтожное вознаграждение казне, богатейших рудных месторождений, заводов и сотен тысяч десятин земли? Главною причиною являлось, кажется, то обстоятельство, что заводы, при казенном управлении, действовали неисправно и стоили дорого, а между тем Демидов приобрел большое доверие и любовь царя: он был одним из тех предприимчивых и искусных людей, которых так любил Петр и которых у него так мало имелось в государстве.

Как бы то ни было, но, по поданной в Сибирский приказ просьбе Демидова, заводы на Нейве и Тагиле (Невьянские и Верхотурские), с громадными пространствами лесов и земель, со знаменитою горою Магнитною, – грамотою 4 марта 1702 года были отданы просителю. Со времени этой-то отдачи заводов "Никите Демидову" (как писалось в грамотах) тульский кузнец, вместо прежнего прозвища – Антуфьев, – именуется уже Демидовым.

За все полученное богатство Никита должен был уплатить казне, в течение пяти лет, железом, по условной цене, стоимость заводов, что он и сделал гораздо скорее: в три года.

Этою знаменитою грамотою, – которую представители рода Демидовых должны бы были начертать на золотых скрижалях, как самый драгоценный документ в их архивах, – Никите дано было дозволение, распространенное и на других заводчиков, покупать для заводов людей и отводить им земли. Право это, ввиду того обстоятельства, что в глухих местностях Урала и других русских окраинах было мало вольных рабочих, являлось крайне важным для заводчиков и послужило основанием к созданию тех колоссальных богатств, которые были составлены торгово-промышленными людьми вроде Походяшина, Твердышевых и Баташева. Это, так сказать, "заводское" рабство было одною из тяжелых его разновидностей. И не нужно особенных усилий воображения, чтобы представить себе печальную картину переселения и "своза" целых масс крестьянства, отрываемого от родины и привычных занятий для работы в дремучих лесах Урала

и тундрах Сибири.

С получением уральских заводов Демидовыми личность Акинфия выступает на первый план и заслоняет собой Никиту. Этому энергичному и суровому человеку, но дельному хозяину и неутомимому предпринимателю Россия обязана устройством большого количества заводов, а также открытием многочисленных и разнообразных рудников, а фамилия Демидовых – своим историческим богатством.

Сам Никита, изготовляя в Туле в 1702 году для Петра, воевавшего со Швецией, 20 тысяч ружей, не мог отправиться в свои новые владения, и его поверенный в мае 1702 года принял Невьянские заводы. Затем немедленно туда же, в сопровождении 12 лучших тульских мастеров, отправился и Акинфий, бывший потом единственным распорядителем заводов. В июне того же года сам Никита ненадолго съездил на Урал.

Петр в конце этого же 1702 года послал на Невьянские заводы думного дьяка (по нынешнему статс-секретарь) Виниуса, знатока и любителя горного дела, осмотреть заводы и преподать инструкции заводчику. В грамоте, переданной Виниусом Демидову, заключалось много интересного и указывалось на то, чего ждет царь от своих подданных. “Памятовать тебе, Никите, что такие тебе заводы отданы, – говорилось в грамоте, – у руд, каковых во всей вселенной лучше нет, за твою верную службу. А при заводах – леса, земли, хлеба, живности”. Грамота красноречиво напоминала Демидову о смертном часе, когда о всех “содеянных делах пред престолом Божиим будет всем нелицемерное истязание, а потом, по благих делах, вечное блаженство, а по лживых – нескончаемое мучительное осуждение последует”. В грамоте указывалось и на то, что Никита обещался исправно и дешево ставить в казну воинские припасы; в заключение эта же знаменитая грамота давала право Никите наказывать ленивых заводских людей, но с тем, чтобы он “не навел на себя правых слез и обидного воздыхания, что пред Господом – грех непростительный”. Увы, это гуманное пожелание не осуществилось: много тяжелых страниц заключает в себе история заводского дела на Руси и много на заводах Демидовых проливалось “правых слез” и слышалось “обидных воздыханий”!

Вероятно, дружно поладили Демидовы с Виниусом, потому что результаты поездки последнего были очень благоприятны заводчикам. Не находя вольных рабочих и не имея еще много своих крепостных, – между тем как заводское дело расширялось, – Демидовы просили царя о приписке к заводам окрестных сел и деревень, и Петр, убедившись в полезной деятельности Демидовых, “для умножения их заводов”, 9 января 1703 года

приказал приписать к ним на работу Аятскую и Краснопольскую волости и монастырское село Покровское с деревнями (в Верхотурском уезде), со всеми крестьянами и угодьями. За эту щедрую подачку Демидовы платили ежегодно железом ту сумму, которая вносилась прежде крестьянами приписанных сел в казну и монастырь.

Таким образом, Демидовы, по милости царя, приобрели за бесценок заводы и сделались владельцами богатейших в свете рудных месторождений, громадных пространств леса, земель, бесчисленных угодий; в их власть были отданы “приписные”, а, благодаря покупкам, заводчики сделались собственниками тысяч душ крестьян. Купленные к заводам крестьяне составили впоследствии, как и у других владельцев, особую разновидность “рабов”, крепких не господам, а заводам. Понятно, что это юридическое подразделение живой собственности нисколько не могло отразиться выгодно на новой разновидности крепостных и их положение было еще тяжелее, чем в других формах крепостной зависимости.

Говоря о громадных льготах, дарованных Демидовым, не нужно забывать еще и того, что заводчикам не приходилось искать рынка для сбыта своих произведений: этим рынком была вся Россия, нуждавшаяся в железе, а также и казна, куда облагодетельствованные кузнецы ставили в продолжение десятков лет военные припасы, железо и сталь. Правда, пожалование заводов обязывало их ставить припасы в казну дешевле прочих заводчиков, но так как Демидовы могли получать свои продукты при минимальных издержках производства, то они и при дешевых ценах на изделия брали большие барыши. Нужно еще принять во внимание и то обстоятельство, что у владельцев невьянских богатств было мало конкурентов: до них частных заводчиков было немного и только удачный пример Демидовых заставил броситься на Урал целые толпы предприимчивых людей, в числе которых немало было и авантюристов.

Петр оказался самым крайним протекционистом и не жалел жертв для того, чтобы создать горную промышленность на родине. Жертвы эти были громадны: лучшие горные места, представлявшие драгоценное достояние государства, перешли к частным лицам; сотни тысяч крестьян, при Петре I и его преемниках, на многие годы были закрепощены заводами. Перед такими льготами кажутся игрушкою самые высокие нынешние протекционистские тарифы. И, кажется, трудно особенно осуждать за это великого царя, положившего начало такой горной политике. Бывают исторические моменты, когда представляются необходимыми для возникновения и упрочения промышленного

дела большие льготы и жертвы. Без этих льгот и жертв, вероятно, многие богатства страны были бы, так сказать, лишь в потенциальном состоянии. Франция, при помощи протекционистской торговой политики Кольбера, создала и упрочила свои великолепные мануфактуры. Да и вообще говоря, государство, как Левиафан, в историческом процессе своего роста поглощает немало жертв. Это, кажется, жестокий и непреложный закон судьбы, по крайней мере при современном типе общества:

Даром ничто не дается: судьба
Жертв искупительных просит!

Но, понятно, мы далеки от того, чтобы оправдывать жертвы со стороны государства при условиях, когда производство уже создалось и упрочилось и когда льготы, оказываемые частным лицам, являются только премиею за отсутствие предприимчивости и энергии у наших капиталистов, привыкших брать громадные барыши и не старающихся ни об улучшении техники, ни об отыскании новых рынков для сбыта товаров. При такой льготной политике обыкновенно забывается потребитель, который должен платить гораздо дороже за продукты производства, окупая своими “животами” лень наших буржуев.

Говоря о петровских льготах, мы все-таки должны отметить то обстоятельство, что многие заводчики, по неумению и отсутствию предприимчивости, прогорали: они, так сказать, почивали на лаврах, не хотели усиленно работать, и дело их погибало. Но не таковы были Демидовы, – мы теперь обратимся к их деятельности на новом месте, на Урале, доставившей им в истории горного дела на Руси почтенную и заслуженную известность.

Акинфию, старшему сыну Никиты, было 24 года, когда он сделался полным хозяином уральских заводов. Хотя имя Никиты и упоминается в актах, относящихся к деятельности этих заводов, но всем в сущности заведовал Акинфий, так как отец больше проживал в Туле, где были и два его младших сына, или хлопотал по делам в Москве и Петербурге. Первое время, впрочем, он довольно долго оставался в своей уральской столице – Невьянском заводе, расположенном на реке Нейве, в 83 верстах от теперешнего Екатеринбурга. До сих пор еще стоит в этом заводе каменный дом, построенный неладно, но крепко тульскими кузнецами. От его стен и всей обстановки веет глубокою стариною. Все сделано из дуба, камня и железа. В доме ничто не изменилось за истекшие два столетия: толстые стены и узкие окна придают ему вид крепости. Комната, где жил Никита

во время приездов в Невьянск, была устроена в акустическом отношении так, что владельцу все, говорившееся в доме, было слышно. Старый кузнец, бывший в молодости шутником и весельчаком, уже, видимо, почуял ревность к власти и приобретал привычки деспота. Акустическая комната выдавала ему виновных и их постигали суровые наказания. Старик был крутого нрава и не терпел ослушников и ленивых.

В одной из комнат старого дома до последнего времени находился портрет Никиты Демидова. Редко попадаются такие характерные лица: кузнец жилистою и мозолистою рукою придерживает кожан, другою – опирается на костыль; суровое лицо, с сумрачными глазами, глубоко сидящими в орбитах, напоминает худобою и желтизною лица аскетов. Этот портрет снят уже со старого Никиты, когда житейские бури и треволнения успели избороздить лоб его глубокими морщинами.

Впоследствии Акинфий Никитич построил в Невьянске высокую каменную башню, теперь от времени наклонившуюся и исполняющую скромное назначение пожарной каланчи. Под башнею есть кладовые и подземелья со многими ходами. В те далекие времена жестоких нравов и господства грубой силы подземелья башни исполняли далеко не мирную миссию. Они были застенком, где пытали подозреваемых и виноватых, и тюрьмою для осужденных. А для многих они были и могилою. Эта знаменитая башня (28 сажен высоты) пользовалась печальною славою в народе. По преданиям и рассказам старожилов, в ней замуровывали людей и держали в колодках и цепях опасных супротивников. Много могла бы передать страшных легенд эта башня, служившая, как увидим ниже, Акинфию монетным двором для чеканки монеты, когда он открыл знаменитые алтайские серебряные рудники. Во время наезда ревизоров для открытия на заводах беглых, туда, в подземелья башни, запирали ссыльных и каторжных, – которых уж никак нельзя было показать за купленных крестьян, так как у них были клейма и вырезаны ноздри, – и спускали, если нужно, из шлюзов Невьянского пруда воду, чтобы схоронить концы и не отвечать перед властями.

У Акинфия закипела работа: застучали на безмолствовавших прежде Верхотурских заводах сотни молотов, задымились печи. В течение своей деятельности на Урале Акинфий, вместе с отцом и один, построил не менее 10 железоделательных и чугуноплавильных заводов, из которых некоторые, как, например, Нижнетагильский, по своим изделиям приобрели громкую европейскую известность. Демидовское сортовое железо, точно так же как и яковлевское листовое, до сих пор еще имеет мало соперников.

Прежде, при казенном управлении, Верхотурские заводы работали, с грехом пополам, в год 10 – 20 тысяч пудов железа, между тем как при Акинфий на его заводах получалось в иные годы до 600 тысяч пудов чугуна, из которого выделывалось до 350 – 400 тысяч пудов железа, что для того времени было громадною величиною. Чтобы охарактеризовать деятельность Демидовых по заводскому делу на Урале, можно указать на следующее: в пределах нынешней Пермской губернии во 2-й половине XVIII века считалось всего 65 чугуноплавильных и железных заводов, между тем как в течение того же столетия одним Никитой Демидовым и его потомками основано в той же местности не менее 30 железных и медных заводов. А в наше время только Нижнесалдинский и основанный Акинфием Нижнетагильский заводы дают ежегодно до 900 тысяч пудов превосходного чугуна каждый.

Новые заводы исправно поставляли по дешевым ценам в казну большие количества военных припасов, пушек и “фузей”. При отправке на уральские заводы Никите было дозволено, между прочим, взять по выбору двадцать лучших посадских кузнецов из Тулы. У него же на заводах работали ссыльные поляки и шведы, из которых потом образовалась особая слобода при Невьянском заводе.

Вероятно, эти опытные в горном деле пленники помогли Демидовым поставить дело, при тогдашних младенческих приемах техники, на достаточную высоту и достигнуть не только известной прочности, но и изящества в изделиях. В Невьянске была и пушечная сверлильня, так как Никита взял громадный для того времени заказ на несколько сот пушек, необходимых для ведения войны со “шведом”.

За все это царь не оставлял милостями своего “Демидыча”, хотя, повторяем, за спиною отца всем уже на Урале распоряжался Акинфий. В 1709 году тульскому кузнецу Никите было пожаловано личное дворянство: он назначен комиссаром[1] по Верхотурским заводам, а 21 сентября 1720 года возведен в потомственное дворянство, которое, по смерти Никиты, грамотою Екатерины I в 1726 году было распространено и на детей покойного комиссара, с привилегией, “против других дворян”, ни детей, ни потомков “ни в какие службы не выбирать и не употреблять”.

Возвышение и богатство Демидовых, конечно, не давали спать их недоброжелателям. Начиная с воевод, этих маленьких державцев вверенных им “на кормление” областей, и кончая последним подьячим, все старались притеснить заводчика и очернить его перед высшей властью. “Бумага”, этот необходимый

элемент русской жизни, замешалась и в живое дело Демидовых. Но, сильный доверием царя, кузнец выпутывался из кляузных сетей. Ниже мы подробнее скажем о тех столкновениях, которые возникли между Демидовыми и знаменитым “первым” русским историком Василием Никитичем Татищевым (известным горнозаводским деятелем того времени на Урале) по крайне интересному вопросу о беглых людях. Здесь же упомянем только о том, что приписные крестьяне, в труде которых так нуждался Демидов, много терпели от верхотурских воевод, и царь не раз грозно допекал этих начальников, чтобы они не притесняли крестьян и не противодействовали заводским работам. Петр приказал воеводам, под страхом грозных кар, не вмешиваться в заводское дело, а Никите – ведать непосредственно в Сибирском приказе.

Допекали Демидова и фискалы. Для “умножения государевых доходов” царь учредил должности “прибыльщиков”, или фискалов. Эти “прибыльщики” должны были всеми силами стараться приумножить достояние государственное, что, однако, не мешало им набивать собственные карманы и часто жестоко за это платиться. Эти “государевы очи” разыскивали “тайно и явно”: о кражах казны, утайках и злодеяниях казенных и частных лиц. Понятно, что эти господа злоупотребляли своею властью и придирались ко всему, что могло им обещать поживу, так как, в случае успешности доноса, и на их долю перепадали немалые крохи.

Нужно сказать, что горное дело в Сибири в то время (до издания “берг-привилегии” в 1719 году) находилось под ведением целой тучи начальства (по пословице “У семи нянек дитя без глаза”); ему с этими начальствами приходилось худо. Еще в 1700 году был учрежден Рудный приказ, но на месте дела ведали губернаторы и воеводы. Кроме того, был еще и Сибирский приказ, которому вся Сибирь подчинялась в административном и судебном отношениях.

Затем Демидову приходилось, помимо личных приказов государя, ведаться с тогдашним военным и морским ведомствами, куда он поставлял изделия своих заводов. Понятно, что каждое из этих начальств беспрестанно вмешивалось в сферу действий другого, ища “кормежки”. Ко всему этому надо добавить, что заводские изделия подлежали бесконечному ряду пошлин и сборов: помимо 10 % сбора натурою с продукта, брались внутренние таможенные пошлины, перекупные, весовые, мостовщина, причальные и отчальные и даже с найма подвод. Точно определенных правил насчет всех этих сборов не существовало и часто они высчитывались совершенно

неправильно даже в арифметическом отношении, – просто как Бог на душу положит. А между тем за утайку и неплатеж этих сборов владельцы металлов подвергались наказаниям, штрафам и конфискациям имущества. Все эти “волокиты” и громадные сборы задерживали развитие горного дела. Немудрено, что прибыльщики могли хорошо ловить рыбу в мутной воде. И только с учреждением берг-коллегии (1718 год) и с изданием берг-привилегии (в 1719 году) – первого горного закона на Руси, – горное дело в нашем отечестве стало на более правильную почву.

Как мы уже говорили, Никита Демидов, по своему быстрому обогащению, давно возбудил вожделения фискалов (из которых в особенности известен Нестеров), и они не раз хотели прижать бывшего кузнеца, обвиняя его в том, что он утаивает железо, не платит пошлин и слишком дорого ставит припасы в казну. Примешивались глухо обвинения и в том, что Никита держит беглых людей на заводах. На этих доносах некоторые из фискалов выражали не совсем скромное желание об отнятии невьянских заводов от Демидова и об отдаче им, фискалам, за что они обещали “порадеть” для матушки-родины и “для царского величества”. Хотя Демидов и удачно оправдывался перед сенатом, куда доходили его дела, но все-таки по этим делам был поручен “розыск” известному начальнику розыскной канцелярии лейб-гвардии капитан-поручику Плещееву. Розыск был настоящею Калифорнией для тогдашнего “крапивного семени”. Плещеев тянул его три года, наказывал людей Демидова, держал их в кандалах, и, вероятно, прижимистому тульскому кузнецу пришлось немало потратить денег и покланяться господам подьячим. А жаловаться старый заводчик боялся: царь был далеко, благоприятель думный дьяк Виниус сошел со сцены, да притом у невьянского богача был большой грех по части “беглых людей”.

Но счастье не оставляло старика, и ему удалось блистательно оправдаться во всех взводимых на него обвинениях и особенно в том, что он берет за военные припасы дороже других заводчиков. В это время (1715 год) потребовался большой заказ на адмиралтейство. Царь, ввиду доносов на Демидова, поручил князю Василию Владимировичу Долгорукову исследование по этому делу и приказал сравнить цены других подрядчиков с демидовскими. Оказалось, что многие изделия Демидова поставлялись вдвое дешевле и не нашлось ни одного, которое бы стоило дороже. Никита торжествовал, и царь тоже обрадовался за “Демидыча”. В горячей челобитной Никита излил свои жалобы на “крапивное семя” и на “волокиты” по поводу расчетов с казною. Он требовал, чтобы с казенных заказов пошлин не брали, деньги

выдавали бы без замедления, и просил снова подтвердить за ним право на владение Невьянскими заводами, а также чтобы его ведали в Петербурге, в канцелярии князя Долгорукова, о чем и дать указ, чтобы “убытков каких не было”. На все это Петр согласился, и только тогда были распечатаны амбары Никиты и возвращено ему секвестрованное железо. Но и после этого “крапивное семя” не угомонилось: при продаже в таможне железа, принадлежавшего Никите, взяли двойную пошлину “за грубость и непристойное поведение приказчика”, которого притом же продержали несколько месяцев в тюрьме.

Интересно привести здесь справку о стоимости в то время железа и изделий. До Демидова подрядчики ставили железо в казну по 60 – 75 коп. за пуд; шведское стоило 90 коп., а по объявлении войны дошло до 3 руб. за пуд и даже по этой цене нельзя было его достать; шинное поставлялось по 90 копеек. Никита же поставлял разные сорта железа по средней цене 50 копеек пуд. Бомбы, пушки и ядра поставлялись им в казну по 20 – 25 коп. за пуд. Эти дешевые цены Демидова, помимо доставленных ему громадных льгот при жаловании заводами, объяснялись, конечно, и тем, что прежний тульский кузнец, будучи сам работником, изучил в совершенстве заводскую технику на практике. Сначала он сам, а потом его сын Акинфий лично смотрели и руководили работами.

– Заводы, яко малое детище, требуют ухода за ними и хозяйского глаза, – говорил Никита.

Но это “малое детище” дало возможность когда-то бедному тульскому кузнецу преподнести в 1715 году “на зубок” родившемуся царевичу Петру Петровичу, кроме драгоценных вещей и великолепных сибирских мехов, – 100 тысяч тогдашних рублей. О такой громадной сумме прежде, вероятно, и мечтать не мог работавший когда-то в Туле за алтын в неделю кузнец.

Посмотрим теперь, что еще делали Демидовы на Урале. Кроме постройки новых и расширения старых железных заводов, им пришлось заботиться и о лучших способах доставки в далекую страну, в Москву и новую столицу, своих изделий. Дороги в этом крае, во многих местах которого только впервые ступала нога человека, были убийственны. Демидовы позаботились привести их в хороший порядок, так что путешествовавшие впоследствии по Уралу академик Гмелин и известный ученый Паллас находили, что нигде не было таких хороших сухопутных дорог, как демидовские, проложенные, казалось, в самых непроходимых местах. Дороги были обсажены деревьями, окопаны по сторонам канавами, с прочными мостами. Понятно, что такие пути сообщения могли быть проложены только при дешевом рабочем

труде, каким действительно и являлась работа “приписных” крестьян. Открытый еще Ермаком, за 120 лет до Демидовых, судоходный путь по Чусовой, впадающей в Каму, был восстановлен энергичными заводчиками, которые на принадлежавших им пристанях строили большое количество барок и других судов для доставки своих караванов с металлами в столицы.

Неутомимо отыскивая рудные месторождения, Демидовы вскоре нашли и медную руду за речкой Выей, близ Тагильского завода, у Магнитной горы, где и было дозволено берг-коллегией в 1721 году построить завод. Хотя Геннин отзывался насмешливо о качествах и богатстве открытой Демидовыми медной руды, но Выйский завод доставил впоследствии громадные количества меди хороших качеств. Развивая свою деятельность, Демидовы не бросали ничего, что могло быть им полезно и что в качестве “раритета” могло удовлетворять их любознательность, начинавшую уже обнаруживаться у новых богачей. Так, они старались о разработке асбеста, или горного льна, месторождение которого (Шелковая гора) было открыто близ Невьянского завода, на реке Тагил. Искусство выделки прочных и огнеупорных тканей из асбеста было известно еще в древности; но, по-видимому, Никита Демидов собственными опытами дошел до его обработки и в 1722 году представил Петру I образчики полотна из этого вещества. Теперь разработка асбеста оставлена, но, введенная Демидовым в значительных размерах, она долго сохранялась в Сибири, где из горного льна приготовлялись колпаки, кошельки, перчатки и шнурки. Еще знаменитый Паллас видел работы, произведенные Акинфием в Шелковой горе, и нашел в Невьянской старуху, которая умела ткать полотно, сучить нитки и вязать перчатки из асбеста. В числе “раритетов”, добывавшихся невьянскими владельцами, были и естественные “магниты”, то есть куски руды, обладающие свойствами магнитов. Большие магниты довольно редки, между тем у Акинфия был магнит в 13 фунтов, державший пудовую пушку, и заводчиком были пожертвованы в церковь Нижнетагильского завода для престолов два громадных – кубической формы – магнита, равных которым, вероятно, не найдется в целом свете.

Помимо всего этого, есть известие, что Акинфием была начата добыча и обработка гранита, а также великолепных порфиров и яшм, которыми так славятся Алтайские горы.

Кстати, укажем здесь на то, что у потомков Акинфия имеются драгоценные коллекции всевозможных представителей горного мира и неоценимые, по своей редкости и научному интересу, “раритеты”, как, например, громадные (до 24 фунтов) самородки

платины.

Глава III. Кузнецы – властелины Урала

Нужда в "живой силе". – Беглые и "пришлые". – Тяжкая их доля. – Заводы – обетованная земля. – Раскольники. – "Приписные" крестьяне и их положение. – Демидовы как помещики. – Грозный Никита Никитич. – Историк Татищев. – Два врага. – Опасность борьбы с Акинфием. – Подвиги его. – "В домны помечем!" – Примирение противников. – Ревизия на заводах. – Происки Демидовых. – Отозвание Татищева. – Иск за "оболгание". – Реферат о взяточничестве

Для обширной деятельности Демидовых на Урале, даже при начале ее, нужны были, разумеется, соответственные механические средства. Сила пара тогда еще не была известна, и машинное дело стояло на невысоком уровне. Правда, громадные пруды демидовских заводов заключали большой запас движущей водяной силы, но для обширных работ в заводах и при заводах владельцам нужен был ручной труд в больших размерах, нужен был "живой товар" – рабочие люди. Мы уже видели, что указом Петра I во власть Демидовых отданы были крестьяне Краснопольской и Аятской слобод и села Покровского с деревнями, но крестьян этих для осуществления широких планов тульских кузнецов, для поставки больших заказов казне и для заполнения внутреннего рынка было недостаточно; покупать же крепостных внутри России и переселять их на Урал у Демидовых, в первое время деятельности их заводов, не хватало еще средств. Как же выпутались невьянские владельцы из этого затруднения? Очень просто, хотя и рискованно: их заводы стали местом, куда бежали со всех концов России от непосильного гнета, от страшной рекрутчины, от гонений за веру, от притеснений воевод, жестокости помещиков и поборов "крапивного семени". Заводы для "беглых" крестьян, а также ссыльных и каторжников широко открывали свои двери. В тогдашней Руси они были, так сказать, обетованною землею для многих, не ужившихся с суровым режимом Петровской эпохи. Пришельцам давали хлеб и деньги за работу, но зато они поступали в полное распоряжение своих новых господ, имевших над ними право "жизни и смерти", тем более страшное, что рабы не могли уже найти заступника в законе, от которого они сами бежали.

"Беглые" были совершенно бесправными людьми. Страшные легенды о подземельях Невьянской башни связаны главным образом с судьбою этого несчастного народа, которому родина

оказалась суровою мачехою. Хотя Демидову и было предоставлено Петром право принимать в заводские работы “пришлых” людей, но это право относилось только до свободных “нетяглых” крестьян и с паспортами, а за прием беглых крепостных от владельцев, а также беспаспортных казенных полагались наказания и большие штрафы. Оно и понятно: каждый такой беглец представлял для государства плательщика подушной подати и пропажа крестьянина являлась потерею дохода владельца, вносившего подать за крепостных, или, при казенных крестьянах, убытком государственного казначейства, очень нуждавшегося в исправном поступлении податей. За прием и держание сбежавшего от владельца крестьянина платилось за год “пожилых денег” по 100 рублей. Уплата такой суммы за большое количество беглых, в случае их открытия, была бы не под силу даже таким богачам, как Демидовы, – и Акинфий, как видно из письма его, слезно обращался к благодетелю своему князю Меншикову, прося “его великокняжескую светлость” оказать милость уладить демидовское дело с “благородным генерал-лейтенантом Салтыковым” о взыскании с заводчика пожилых денег за сбежавших на Невьянский завод крестьян.

Демидовы, не боясь закона или надеясь увильнуть от него, что и удавалось им не раз, слишком широко пользовались правом приема “пришлых”, в категорию которых они довольно смело и оригинально включали бежавших из тюрем и ссылки, а также от владельцев, и дезертировавших рекрутов и солдат. За эти действия полагались тяжелые наказания, и, вероятно, если бы Петр знал об этом, то и он не пощадил бы “Демидыча” с сыном за такие проделки. Нужно еще сказать, что с раскольников брался двойной подушный оклад. Но Акинфий не стеснялся ничем: кроме беглых и бродяг всяких разборов, его заводы были центром раскола, и до сих пор еще почти все бывшие демидовские заводские слободы на Урале наполнены раскольниками. “Старообрядцы” и “раскольники”, преследуемые властями, шли толпами к Акинфию и находили у него верный приют: заводчику нужны были дешевые рабочие и не было никакого дела до того, как они крестятся – двумя или тремя перстами, и во что веруют. Вопрос о “беглых людях”, составлявших ахиллесову пяту Акинфия, тянулся целых 18 – 20 лет, и все это время владелец не платил за большую их часть податей. Этот вопрос был решен благоприятно для заводчика указом императрицы Анны Иоанновны в 1738 году – тогда все “пришлые” были записаны за Демидовым навечно с освобождением от рекрутчины. Хотя указ 1738 года и запрещал Демидову впредь брать беглых, но, понятно, это запрещение оставалось мертвою буквою: слишком

лакомым куском были эти беглые для заводчика, слишком слаб был контроль администрации на уральской окраине или слишком легко было задобрить этот контроль соответственными приношениями.

И эти “беглые” и “пришлые” люди тоже помогали Акинфию создавать его громадное богатство. После смерти знаменитого заводчика осталось 30 тысяч душ крестьян, и, вероятно, немалую цифру из этого количества составляли “беглые”, навеки закрепощенные за владельцем.

Обратимся теперь к положению “приписных” к заводам крестьян и отношению к ним различных представителей рода Демидовых. По размерам и задачам нашего очерка мы можем уделить этому предмету лишь немногие страницы.

В ту эпоху создание больших капиталов на Руси было обставлено совсем иными условиями, чем теперь. В наше время миллионы приобретаются иногда очень скоро путем биржевой игры, удачной финансовой операции и т. п. В заводском деле при громадной производительности, при усовершенствованных машинах, дающих большую экономию, при новейших технических приемах, “специализации и централизации” труда могут и в наше время создаваться большие состояния.

Но основателям демидовской славы и богатств приходилось действовать иначе. У них не было ни банкирских контор, ни усовершенствованных машин. Зато судьба дала в их распоряжение громадный запас “живой силы” – рабочих и “приписных” крестьян; голыми руками этого люда Демидовы и “загребали жар”. И многие заводчики из этой фамилии для создания своих богатств хищнически тратили эту “живую силу” и вытягивали из нее последние соки. Созидание славы и капиталов Демидовых непосредственно руками этой рабочей массы напоминает в известной степени картину постройки, при младенческом состоянии механики, трудами рабов гигантской пирамиды Хеопса. Вообще, положение “приписных” было очень тяжелое. Это являлось тем более несправедливым “похмельем в чужом пиру”, что приписные были не крепостные, но государственные крестьяне, отрабатывавшие на заводах подати, которые и вносились за них заводчиком в казну. И история отношений хозяев заводов к этому разряду крестьян, как, впрочем, и ко всем другим разрядам, – полна всевозможных злоупотреблений и жестокостей. Эти господа старались приравнять приписных к своим крепостным и отягчали их непосильными работами.

По правилам, установленным при Петре I (1724 год), приписные, отрабатывая подати, должны были получать

определенную плату за труд (10 коп. конный работник и 5 коп. пеший в день). Эта незначительная плата, несмотря на изменившиеся к невыгоде крестьян экономические условия, удерживалась в течение долгого времени. И мы видим, что заводчики заставляют приписных работать за ничтожное вознаграждение и сверх отработанных податей; крестьян, вопреки закону, отдают в солдаты и переселяют на заводы; их подвергают свирепым наказаниям, часто оканчивающимся смертью, не только по распоряжению заводчиков, но и по приказу управляющих и приказчиков.

С развитием горного дела положение приписных ухудшается: так как казенные крестьяне, жившие вблизи заводов, скоро были все приписаны к последним, то такой же участи подверглись и крестьяне, жившие от заводов на больших расстояниях (иногда 600 – 700 верст). При подобных условиях хождение на работу для приписных представляло настоящий ад. Положение их становилось настолько невыносимым, что разразилось волнениями на Урале в 1760 – 1764 годах.

В тяжелом положении этого разряда крестьян следует искать причину и того явления, что они на Урале принимали с распростертыми объятиями Пугачева и его генералов, которыми и были разорены там некоторые из заводов наиболее нелюбимых владельцев.

Многие и из Демидовых были грозными помещиками, и их отношения к своим крепостным, приписным и заводским (посессионным) крестьянам отмечены печатью жестокости.

Про отношения к крестьянам родоначальников Демидовых, Никиты и Акинфия, мы имеем очень мало данных, но во всяком случае эти “железные” люди были не из мягких владельцев. Может быть, как вышедшие из крестьянства, как хорошие хозяева и не вошедшие еще во вкус обладания приписными, – они не позволяли себе особых жестокостей: были “строги, но справедливы”. Зато многие их потомки стяжали себе в этом отношении печальную славу, и из всех них пальму первенства нужно отдать младшему сыну Никиты Демидова – Никите Никитичу и сыновьям последнего – Евдокиму и Никите. К этим именам мы можем еще присоединить и младшего сына знаменитого Акинфия – Никиту Акинфиевича, грозного рабовладельца, переписывавшегося с Вольтером.

Внук Никиты Демидова (родоначальника) Никита Никитич в предписаниях своих заводским управителям приказывал “рассекать плетьми в проводку” рабочих и приказчиков за малейшие упущения и грозил “искоренить род и не оставить праху канальского, упрямого и нечестивого”. И эти страшные

угрозы не оставались пустыми словами: виновные томились в заводских подвалах с женами и детьми, в колодках и цепях, и получали жестокие наказания.

Во владениях этой отрасли демидовского рода (на Урале и внутри России) крестьяне от жестоких притеснений часто волновались; во многих случаях правительство принимало суровые меры против крестьян для усмирения волнений; в других – оно старалось обуздать и произвол заводчика.

Слава этих Демидовых как грозных владельцев была так страшна, что крестьяне покупаемых ими вотчин ни за что не хотели быть их крепостными и выдерживали даже кровопролитные битвы с войсками, приводившими их к покорности, предпочитая смерть господству над собою жестоких заводчиков, как это было, например, при покупке Никитой Никитичем у князя Репнина имения в Обоянском уезде (1751 год), в Калужской губернии и в селе Русанове Тульской губернии.

Теперь мы должны сказать несколько слов о лице, с именем которого связано возбуждение вопроса о “пришлых людях” Демидова и борьба с которым дорого обошлась даже такому всесильному и несокрушимому человеку, каким был Акинфий. В этой борьбе лучше всего обнаруживаются свойства характера энергичного основателя колоссального богатства Демидовых.

В 1720 году на уральские казенные заводы был назначен начальником известный историк и вместе знаток горного дела Василий Никитич Татищев. Он был по тому времени очень образованный человек, притом с большою предприимчивостью и сильным характером. Не всегда безупречный по части бескорыстия, – что было, кажется, общим достоянием всех властных людей того времени, – Татищев, в деле спора с Демидовым, отчасти, может быть, и побуждаемый завистью к необычайно возвысившемуся и разбогатевшему кузнецу, все-таки старался стоять на страже государственных интересов и если не успел насолить Акинфию, то только потому, что тот был силен личным доверием государя. Татищев, одним словом, принадлежал к породе людей, которым опасно было класть “палец в рот”. Столкновение таких двух противников, как Татищев и Акинфий, не могло повести к добру.

Властолюбивый и энергичный Татищев встретил в Акинфий не менее сильного и ловкого соперника. Геннин, знавший Акинфия лично, в письме к Петру говорил о Демидове так: “Здесь, на Урале, никто не смел ему, боясь его, слова выговорить и он здесь поворачивал, как хотел”. С таким человеком, как Акинфий, борьба представляла и немалую опасность: у него на заводах были тысячные толпы рабочих, дисциплинированных

суровыми заводскими порядками и способных по приказанию своего неограниченного властелина на всякое насилие, что не раз и случалось по отношению ко многим лицам, которыми невьянский державец был недоволен. Пример другого знаменитого заводчика Баташева, отец которого был управляющим у Демидовых, где, вероятно, и приобрел опытность в наживе и жестокость нрава, переданную детям, показывает, в каких необузданных и свирепых формах выражалось в ту печальную эпоху своевольство заводских магнатов.

Татищев, присланный для восстановления падавшей производительности казенных заводов, основанных до и после утверждения Демидовых на Урале, был вместе с тем начальником тамошних частных заводов. Демидовы, бывшие монополистами по заводскому делу, боялись конкуренции казенных заводов и с этой стороны не напрасно опасались Татищева.

Грозный Акинфий, не знавший никакого местного начальства, не исключая и сибирских губернаторов, прямо гнал со своих заводов присланных к нему с указами воевод начальников.

– У твоего воеводы один указ, а у меня в руках другой указ – государев, – говорил Акинфий и уходил от послушания под одним, впрочем, сильным предлогом “исполнения государева дела по изготовлению корабельного железа”. Он и смотреть не хотел на Татищева, не изменил привычки “поворачивать по-своему” и поступал с Василием Никитичем грубо и высокомерно.

Все подвиги невьянского владыки трудно перечислить. Мы приведем только некоторые случаи, из которых будет видно, до каких размеров доходило своевольство, грубость и жестокость, а также третирование властей со стороны заводчика. Акинфий захватывал открытые другими лицами рудники, без церемонии сгоняя с них прежних открывателей; и это он делал не только с частными людьми, но и с представителями казны. Когда им был захвачен медный рудник при Чусовой, разрабатывавшийся рабочими Уктусского казенного завода, то Татищев послал своих подручных подьячего Гобова и фискала прапорщика Поздеева за объяснениями, но приказчик Демидова грубо сказал посланным, что “ответа им никакого не будет. Мы капитану (Татищеву) не послушны, указов его не принимаем и ему до нас дела нет. Если нужно что, – пусть сам едет... А посланных с указами будем в кандалах держать, в тюрьме, до приезда хозяина”. Вот какими речами приветствовал представителей власти холоп Демидова! Довольно странно и нелепо, вероятно, было положение органов правительства, посланных для водворения субординации, при этом свидании с приказчиком, который угостил их таким

образом...

Из другого примера мы увидим, как угрожали расправляться Никита и сын его Акинфий с непослушными их грозной воле чужими людьми и как они, несомненно, не раз и расправлялись не только со своими, но и с посторонними.

Рудоискатель Иван Савин жаловался Татищеву, что он давно еще открыл медную руду на реке Вые и объявил об этом верхотурскому воеводе Калитину, но тот не обратил внимания на его объявление. Потом Савин донес о своем открытии Демидову, который тоже сначала не работал руду, но с приездом Татищева стал разрабатывать, боясь, чтобы шустрый капитан не перехватил себе открытого месторождения. Демидов строго приказал Савину молчать об этой руде и везде поставил заставы, не пропускавшие подозрительных заводчику лиц. Эти же заставы не пропускали охотников к ловле бобров, “и нам, бедным, ясак нечем платить”, – жаловался Савин. Демидов запретил последнему объявлять казне какие бы то ни было руды. “Если будете объявлять руду на Уктус, – грозил заводчик, – то я вас кнутом буду сечь и в домны (печи, где выплавляется чугун) помечу”. Савин с кусками руды только тайком, глухими местами, пробрался к Татищеву. За ним была послана погоня, и, вероятно, в случае поимки рудоискателя, его постигла бы жестокая участь.

Мы должны привести еще несколько случаев из “подвигов” Демидова, чтобы видеть, на какие жестокие и смелые выходки был способен привыкший к власти Акинфий. И если он мог проделывать подобные вещи с посторонними лицами, даже со слугами царя, то легко себе представить весь ужас положения людей, находившихся в его безграничном распоряжении.

Татищев послал купить весы для Уктусского завода в Невьянский, где они делались на вольную продажу. Посланный был выгнан с завода приказчиком Феклистовым с бранью. Этот же Феклистов увез “воровски” с Точильной горы наломанный казенными людьми камень. Посланные Татищева нашли часть увезенного камня разбросанной по лесу. Вследствие этого обстоятельства печи казенных заводов простояли долгое время без действия, что, очевидно, и было нужно Демидову.

Когда Татищев получил указ берг-коллегии о взимании с заводчиков десятины с металлов в казну, он сейчас же послал Демидову “указ” от себя и приказывал составить ведомость о железе и привезти ее самому заводчику в Уктус. Но, понятно, Демидов не поехал: он не хотел допустить даже мысли, что Татищев смеет ему “указывать”. Акинфий ответил коротко: “Когда пришлется указ от берг-коллегии, мы тогда готовы платить”. Указ Татищева назван “отпискою”. Этого не могло

вынести ретивое чиновничье сердце Татищева, привыкшего к установленным канцелярским формам: он разразился сильною жалобою в берг-коллегию, которая приказала: “Демидовым быть послушным законным требованиям Татищева, писать ему “доношениями” и особых указов себе от коллегии не ожидать”. Тогда Акинфий изменил свой горделивый тон на насмешливый: “Просим *вашего величества,* – писал он Татищеву по поводу ломки камня, – о рассмотрении той обиды и о позволении ломать камень”.

Но Татищев не унывал: он сыпал в берг-коллегию грозными жалобами на Демидова. Однако, к великому удивлению ревнителя казенных интересов, жалобы его не доходили по назначению, в чем он, кажется, не без основания подозревал Акинфия, посылавшего погоню за курьерами Татищева и отнимавшего у них, часто при жестоком истязании, бумаги, изобличавшие деяния заводчика.

Акинфий не позволял давать подвод Татищеву и служащим его, подвергая жестоким наказаниям своих крестьян и приказчиков, если они, хотя по принуждению властей, давали лошадей на казенные заводы. Его политика заключалась в том, чтобы всячески мешать деятельности ненавистных ему “государевых заводов”, в чем он и успевал, портя припасы казны и затрудняя отправку казенных караванов. Дошло до того, что служащих на царских заводах он подвергал у себя формальному наказанию кнутом и бил их “смертным боем”. Когда по этим поводам Татищев посылал к Демидову для “розыску” чиновников, то Акинфий без церемонии выпроваживал их, говоря, что “ему-де с капитаном много говорить нечего”.

Неутомимый Татищев опять послал с верным человеком в берг-коллегию жалобы на непокорного заводчика с приобщением копий не дошедших прежде рапортов. Наконец от коллегии пришло решение и между прочим резолюция: “Обо всех противностях Акинфия Демидова составить особую выписку”.

Но, вероятно, приезд более миролюбивого Никиты подействовал на Акинфия отрезвляющим образом, а может быть, Демидовы почуяли силу в Татищеве и испугались угроз берг-коллегии, – только отношения врагов с этого времени стали мягче.

По поводу жалоб на Демидовых о беглых людях и о том, что они не платят за них подушных, Татищев достиг назначения ревизии, еще в 1717 году ландрат Воронцов-Вельяминов насчитал всего у заводчиков до 4000 душ (обоего пола), в числе которых он обнаружил много беглых, тяглых и беспаспортных людей. По поводу заявлений ревизоров о нахождении у Демидова беглых

местное начальство не раз посылало на заводы проверять людей, но все безуспешно: Акинфий, как и прежде, выпроваживал посланных, отказываясь дать нужные сведения “за недосугом по великому государеву делу”. Наконец, после всевозможных уверток и “противностей”, уже Никита, сделав переписные ведомости, уговорил подписать их посланного за ними дворянина Вильянова. Затем он удержал эти ведомости и, спустя уже долгое время, сдал их в берг-коллегию. При этом нетрудно было, конечно, старику схоронить концы в воду, и крестьяне его все оказались законно принятыми и купленными.

Но и Демидовы в борьбе с Татищевым не дремали: им во что бы то ни стало хотелось избавиться от своего сильного врага. У них были крупные благоприятели около самого царя. Один адмирал Федор Матвеевич Апраксин и то мог много для них сделать, не говоря уже о “светлейшем” Данилыче. Но, кроме Апраксина и знаменитого пирожника, сделавшегося впоследствии “светлейшим” князем и “герцогом Ижорским”, Акинфий старался и сумел угодить императрице Екатерине I, бывшей когда-то скромною служанкою пастора Глюка. По крайней мере, как мы уже знаем, эта государыня подтвердила за грозным, но умевшим прикидываться скромным и послушным, как ягненок, заводчиком потомственное дворянство, а Акинфий посылал ей ценные подарки и между прочим принес в дар 20 тысяч пудов “фонтальных труб” для Петергофа, к несчастью затонувших в Ладожском озере. Впоследствии мы увидим, что Акинфий заручился благорасположением и всемогущего курляндского герцога Бирона. Как известно, деяния наших капиталистов в прежнее время и теперь нуждались и нуждаются в предстательстве “сильных людей” и часто это предстательство действовало в ущерб законности.

Однако жалобы Демидовых на Татищева были основательны во многих своих частях: так, заводчики обвиняли “капитана” в учреждении “застав” и непропуске на заводы хлеба, отчего рабочие голодали и умирали. Тут, как и во многих других случаях, оказалась, как видно, справедливою поговорка: паны дерутся – у холопов чубы летят. Эти жалобы, поддержанные всемогущими благоприятелями Демидовых, сделали то, что Татищев был вызван в Петербург, а на Урал прислан для “горных дел” и для “розыска между Демидовыми и Татищевым, не маня ни для кого”, известный уже нам Геннин.

Вероятно, рыльце у Татищева было в пушку и донос невьянских хозяев изобличал его в таких вещах, за которые, как можно судить по рассказу самого “капитана”, ему грозили большие беды.

Геннин разобрал спор двух непокладистых супротивников, и хотя царь во многом уважил жалобы Демидовых, но и Татищеву вернул свое благоволение: он был опять определен на Урал, но для усовершенствования в горном деле временно командирован в Швецию. При своем “розыске” Геннин, в бытность в Невьянске, просил старика Демидова письменно изложить жалобы его и сына на Татищева. Но Никита от этого упорно отказывался, говоря: “Я-де писать не могу и как писать – не знаю: я – не ябедник”. После разбора ссоры между уральскими Монтекки и Капулетти Геннин писал Петру, что “Демидов-мужик упрям, ему не очень мило, что вашего величества заводы станут здесь цвесть, для того чтобы он мог больше железа запродавать, а цену положить – какую хотел”. Из этого же письма Геннина видно, что ему было “на государевы заводы смотреть сожалительно, и оные весьма ныне в худом порядке”, между тем как демидовские процветали.

Как бы то ни было, но Демидовы отделались на время от своего придирчивого начальника. Акинфий с ним встретился после, и Татищев припомнил заводчику прежние обиды; пока же он потребовал с него “за оболгание” несколько тысяч рублей, которые, вероятно, и получил полностью.

В заключение рассказа о столкновениях Татищева с Акинфием не можем не привести сохранившегося в документах разговора Петра с историком, – разговора, вполне характеризующего тогдашние взгляды на службу как на “кормление”. Когда Петр, по дошедшим до него слухам о взяточничестве нашего историка, прямо спросил об этом последнего, то Татищев не запирался и на основании текста из апостольских посланий доказывал царю, что насильно брать и вымогать – грех, а брать “в благодарность” – законно. И Петр, кажется, не прочь был согласиться с тонким диалектиком. Если и такие выдающиеся люди, как Татищев, смотрели снисходительно на “мзду”, то о других и говорить нечего: взятка была одиннадцатою заповедью всего тогдашнего чиновничества.

Глава IV. Увеличение богатств и могущества Демидовых

Характер Никиты. – Слава его. – Смерть. – Акинфий – наследник и хозяин. – Берг-привилегия. – Портрет Акинфия. – Деятельность и энергия Акинфия. – Экспедиции в Сибирь. – Открытие медных руд. – Постройка заводов. – Плавка меди. – Резиденция Акинфия. – Невьянские кустари. – Железо и золотые россыпи. – "Историк" – усмиритель башкирских бунтов. – Аутодафе. – Акинфию плохо. – Придирки фискалов. – Прижимки Татищева. – Милость Бирона. – Кабаки. – Акинфий в силе

Жизнь Никиты Демидова во многом круто изменилась с его возвышением, и несомненно для скромного старика многое в новой обстановке было не по сердцу. Постоянная возня с властями, встречи с вельможами, боязнь какого-нибудь подвоха со стороны "крапивного семени" и доноса – вся эта бурная и тревожная жизнь должна была его сильно утомлять, но все-таки он, выросший в труде, не изменял своих привычек рабочего человека: мы постоянно видим его то самолично распоряжающимся в заводских мастерских, то в постоянных разъездах по своим уральским и тульским владениям, то, наконец, в Москве и новой столице по "государеву делу". Его суровый и жесткий характер тоже мало изменился: поблажек он не допускал, пьяных не терпел и подвергал их тяжелым наказаниям, – за все проступки виновные имели в нем строгого судью. Насколько известно, по сохранившимся данным, его семейные отношения имели тот же суровый оттенок, и только к сыну своему Акинфию, видя в нем, вероятно, крупную силу, старик питал более нежное чувство, смешанное с уважением. Но, к чести Никиты, нужно сказать, что возвышение не вскружило ему головы, он не чванился своим дворянством (которое, кстати сказать, насилу согласился принять) и богатством и был врагом роскоши, в чем на него далеко не походили его потомки.

Старик Демидов был наверху славы и богатства. Ему, когда-то обходившемуся алтынами, принадлежали несметные капиталы; он был давно уже потомственным дворянином "по Нижнему Новгороду". Сам царь удостаивал его собственноручными "цыдулями". Одно из последних писем к Никите от царя, с приложением портрета, было из Кизляра в 1722 году. "Демидыч! – писал ему Петр, – я заехал зело в горячую сторону: велит ли Бог свидеться? Для чего посылаю тебе мою

персону. Лей больше пушек и снарядов и отыскивай, по обещанию, серебряную руду".

Петр помнил о старом кузнеце и думал даже одно время поставить ему, в ознаменование его заслуг, в Петербурге, на "публичном месте", медную статую.

– Хорошо бы, государь, тебе иметь сотню таких слуг, как Никита, – сказал как-то адмирал Апраксин Петру.

– Хорошо бы и пять или шесть таких, как Демидыч, – ответил государь.

Но жизненный путь "Демидыча" приближался уже к концу. Много поработали мозолистые руки кузнеца, – пора ему было на покой! Постоянные заботы, труды и переезды с далекого Урала в любимую Тулу сломили его железное здоровье, и 17 ноября 1725 года, – в один год со своим щедрым благодетелем Петром, – он "преставился в вечное блаженство", как гласит надпись на скромной плите над его могилою в Туле. Все оставленное Никитою богатство, – за исключением выделенного при жизни старика и части движимого имущества, после его смерти доставшейся двум младшим сыновьям, – перешло к старшему сыну Акинфию.

Как известно, Петр ввел на Руси в числе прочих новинок и сложившееся веками в Европе при феодальных порядках учреждение майоратов[2], причем Акинфий, сын тульского крестьянина, подобно рыцарям, потомкам феодалов, получил, в силу нового закона, львиную долю наследства. И всю свою жизнь он употребил на расширение оставленного ему дела и на увеличение своих богатств.

Акинфий, оставшийся после смерти отца полновластным господином на Урале и тульских заводах, был уже немолод, но энергия его не ослабевала: наоборот, в эту пору она ознаменовалась еще большими результатами. Доходу он получал ежегодно более 200 тысяч тогдашних рублей, что для начала XVIII столетия представляло громадную сумму. Пример Акинфия вызвал подражания, и многие стали заниматься заброшенным до того горным делом, а вышедшая еще в 1719 году берг-привилегия, дававшая большие льготы заводчикам, способствовала прочному установлению этого дела на Урале. Появились другие богачи-заводчики, тоже известные в летописях горного промысла, как Походяшин, Баташев, Осокины и др. Заводчиков избавляли от обязательной службы, давали им льготы от податей и к заводам приписывали крестьян. Кроме того, заводчики сами покупали "живую силу", благодаря чему, ко дню освобождения от крепостной зависимости, образовались уже сотни тысяч душ заводских крепостных. Вообще, берг-привилегия,

давая льготы занимающимся горным делом, объявив свободу поисков руд и грозя наказаниями всем, препятствующим его развитию, сослужила хорошую службу этой отрасли государственного хозяйства. Народ прослышал про эти льготы, и скоро образовались целые толпы “рудоискателей”, прельщенных возможностью наживы и получения царской награды за находку руды. Дело, наконец, дошло до того, что приговоренные к каторге и даже к смертной казни, думая избавиться от наказания или по крайней мере отдалить его, объявляли о руде: власти обязаны были верить им и производить дознание по их указаниям. Многие из этих указаний оказывались, конечно, ложными, и сенат вынужден был издать закон, который запрещал верить “таким ворам”.

Акинфий крепко сидел в своем невьянском замке с историческою башнею и наводил страх на окружающих своими грозными поступками. В горном институте в Петербурге имеется портрет невьянского властелина, похожий на приложенный здесь. Неуклюжая фигура бывшего кузнеца, впоследствии “действительного статского советника и кавалера”, облечена во французский кафтан модного покроя; голову его покрывает пышный парик. Грозно насупленные брови и сжатый рот изобличают суровый характер и недюжинную волю. Выражение лица говорит о привычке повелевать. От всей мощной особы Акинфия веет силою, и когда знаешь о том, что происходило в далекую пору на его уральских заводах, то с трудом отделываешься от впечатления какой-то особой жестокости и бессердечия в его взгляде. Это был несомненно человек “крови и железа”.

Акинфий, впрочем, съездил раз и за границу. В Саксонии, во Фрейберге, им приобретен кабинет минеральных редкостей, приумноженный впоследствии редкими сибирскими минералами. Таким образом, Акинфий первый в роде Демидовых начал собирание коллекций “раритетов” и собранные им минералы были принесены его наследниками в дар московскому университету.

Но, съездив к “немцам”, Акинфий потом крепко засел на заводах, покидая их только в случае крайней необходимости, и отыскивал новые средства к обогащению. Вероятно, он давно уже знал о существовании поблизости серебряных руд и золота; ему все хотелось открыть месторождение этих металлов, и давно уже его люди были за Иртышом, где открыли признаки древних горных работ, так называемые “Чудские копи” (принадлежавшие когда-то народу, вероятно, финского племени), с полуразрушенными печами, рудами и плавильными соками.

Наконец в 1725 году близ озера Колывань были открыты богатые медные руды, оказавшиеся впоследствии содержащими серебро. Открытие это случилось в воскресенье, почему все горные промыслы в этой местности названы впоследствии Колывано-Воскресенскими. Вскоре, с разрешения берг-коллегии, Демидов построил в новых местах завод при речке Локтевке и получавшаяся там “черная” медь доставлялась в Невьянск для очистки. Впоследствии им были устроены в той же местности заводы Барнаульский, Шульбинский и другие. Вообще за 20 лет своей деятельности после отца Акинфий открыл множество месторождений со свинцовыми, серебряными и медными рудами. Из меди он делал посуду и продавал ее на местах обработки или неочищенный металл отправлял по рекам Иртыш и Тобол в Невьянск, где уже медь окончательно очищалась и поступала на рынок в виде изделий.

В 1727 году самою казною был построен во вновь открытом Акинфием для горной промышленности районе Колыванский завод, ныне известная гранильная фабрика, принадлежавшая Кабинету, великолепные изделия которой (громадные вазы, камины и пр.) из яшмы и порфиров приобрели заслуженную всемирную известность.

Невьянский завод, главная резиденция Акинфия, на котором еще при жизни тульского кузнеца было 3 тысячи рабочих, – теперь одно из многолюднейших поселений на Урале: в нем более 15 тысяч жителей. Говоря о селении Невьянского завода, мы должны сказать, что как в нем, так и в Нижнетагильском (до 40 тысяч жителей), развились в обширных размерах кустарные работы из металлов, начало которым положили, конечно, демидовские мастерские. Сундуки, окованные железом, лакированные, расписанные рисунками подносы, шкатулки и прочие изделия, изготовленные кустарями этих местностей, известны всей России и сбываются в громадных количествах на Нижегородской и Ирбитской ярмарках. Здесь блюдется секрет приготовления особого лака, которым покрываются многие железные изделия, причем получаются красивые узоры, как на замерзшем стекле. Окованные или покрытые этим “мороженым железом” изделия имеют очень красивый вид, что и обеспечивает их продажу. С этими старинными русскими промыслами, частью занесенными на Урал раскольничьими выходцами из коренной России, неразрывно связана и живопись, так как многие изделия разрисовываются: иконы работы невьянских живописцев известны всему раскольничьему миру.

Невьянское железо когда-то было знаменито и ценилось наравне с нижнетагильским “старым соболем”. Но теперь

производительность Невьянского завода ничтожна, и если бы не было в его дачах большого количества золотых приисков и в селении кустарного производства лакированных и “мороженых” изделий, то многочисленным обитателям Невьянска приходилось бы плохо. Заговорив о золотых приисках, мы, кстати, должны сказать, что в дачах Невьянского завода рассыпное золото в первый раз найдено было еще в 1764 году, но на него не обратили внимания, так как имели смутное представление о “россыпях” и не могли их работать; работали же только коренные месторождения, разыскивая обыкновенно “золотую жилу”.

К чести Демидовых мы должны прибавить, что разработка рассыпного золота в России начата впервые все-таки их потомками.

Во времена грозного заводчика посреди Невьянска стояла четырехугольная крепость, с башнями по углам. Внутри двора, образуемого крепостью, находился большой каменный дом с высокою башнею, о которой мы уже говорили и которая годилась бы к замку на Рейне какого-нибудь феодального барона-разбойника. На башне имелись часы с музыкою. Около селения, по рассказам тогдашних туристов, леса были на несколько верст расчищены и образовавшиеся таким образом поляны окружены изгородью для выпаса скота. Скот был крупный, породистый и разведен от нескольких экземпляров холмогорской породы, присланных Никите Петром I.

Излагая жизнь Демидова, по возможности, в хронологическом порядке, мы должны опять возвратиться к Татищеву, после 12-летнего отсутствия снова назначенному в 1734 году главным начальником уральских заводов с обширными полномочиями. Он теперь нашел возможность сильно допекать своего старого врага Акинфия, хотя, в конце концов, распря с неугомонным историком окончилась для заводчика вполне благоприятно.

Татищев был человеком несомненно решительным. Эту решительность он проявил как при усмирении “башкирских бунтов”, так и во многих других случаях: он сжег, например, одного башкирца за то, что тот, приняв православие, снова вздумал молиться пророку. И, конечно, таких случаев было немало, но сведения о них покоятся еще мирным сном в наших архивах.

Еще до второго приезда Татищева на Урал, вследствие доносов на Акинфия, что им изготовляется оружие для башкир и утаиваются металлы во избежание платежа пошлины, – в Невьянск были посланы в 1733 году суровые и придирчивые фискалы, которые навели на население такой страх, что

заводские крестьяне и приказчики разбегались при их приближении. Ласковые следователи грозили “учинением смертной казни” за малейшие проступки! Положение Акинфия в эту пору представлялось печальным: это был момент, когда могли сойти на нет вся его сила, богатство и значение, добытые ценою редкой энергии и, может быть, тяжелых преступлений, а также и долгими годами заводской каторги его крепостных. С 1731 года берг-коллегия, где сидели благоприятели Демидова, была упразднена, и горные дела ведали коммерц– и камер-коллегии. Прежние доброжелатели или умерли, или отсутствовали, а новыми Акинфий еще не успел обзавестись. Самого его задержали без выезда в Москве ввиду возведенных на него тяжких обвинений. А между тем с далекого Урала шли печальные вести о хозяйничанье следователей. Но барон Шафиров, исследовав, по поручению императрицы Анны, все дело, нашел Акинфия невиновным в возводимых на него обвинениях (неизвестно только, какую сумму пришлось дать за эту “невиновность”), и указом государыни в 1735 году задержанный заводчик был отпущен в свои владения. Доносчики потерпели жестокие наказания.

Вот в это-то время, когда Акинфий не мог выехать из Москвы, Татищев взял построенные Демидовым лучшие медные заводы в казну, брал у него искуснейших мастеров для казенных заводов, заставлял плавить медь и сдавать в казну по 4 руб. за пуд, когда она заводчику стоила по 6 руб. 50 коп. Немудрено, что такие распоряжения Татищева, при отсутствии хозяина, даже в короткое время привели в расстройство некоторые из заводов Демидова.

Но Акинфий был ловкий человек: грозный со слабыми и равными себе, он умел угождать сильным мира сего и вскоре снискал расположение “его высокогерцогской светлости” любимца государыни – Бирона, и, вероятно, благодаря его всемогуществу все доносы на Акинфия рассыпались прахом: в вопросе о беглых людях, о пошлине с металлов и в споре с Татищевым Акинфий поставил на своем, и потом уже, насколько можно судить по документам того времени, историк был безопасен для сильного заводчика.

Благодаря ловкой политике Акинфий выпутался из бед. Прежде всего он угодил всесильному герцогу тем, что предоставил выписанному последним для управления всею горною частью России немцу Шембергу свои великолепные хоромы на Васильевском острове. Этот Шемберг, по свидетельству Татищева, самым бессовестным образом грабил казну. Затем нужно указать и на то обстоятельство, что заводчик ссужал Бирона деньгами.

Во всей этой истории обращает невольное внимание следующий эпизод: Акинфий в челобитных о притеснениях, “чинимых” ему, просил, чтобы в его заводах не было кабаков, от которых, по объяснению заводчика, рабочим приходилось плохо. Сенат разрешил: кабакам не быть, но сбор, который до сих пор от них поступал в казну, возложить на заводчика. Казалось бы, что этот поступок заслуживал полного одобрения и его можно было бы поставить в образец многим нынешним заводчикам, имеющим лавочки и шинки при своих фабриках для получения больших барышей. Но “умысел иной тут был” у хитрого Акинфия: ему просто хотелось избавиться от контроля гражданской власти, ведавшей кабацкое дело. Последнего он достиг, а кабаки, как кажется по всему, безмятежно процветали в его владениях и приносили ему изрядный доход.

Ко всему этому мы должны прибавить, что в 1738 году, когда Акинфию были окончательно дарованы все вышепоказанные милости, ему, кроме того, было предоставлено право, ввиду опасности от набегов соседних башкир, построить на заводах крепости с бастионами и вооружить их пушками. На каждую крепость для охраны давалось 60 человек солдат, с содержанием на счет заводчика. Акинфий вошел в силу: прежний тульский кузнец стал походить на владетельного князя. У него были подданные, войско и флот. Ко всем своим регалиям он уже самовольно и, конечно, тайно присоединил еще и право чеканить монету в своих невьянских подземельях, о чем мы сообщим подробнее в следующей главе.

Глава V. В погоню за золотом

Густав Бирон и вдова комиссара. – Открытие горы Благодати. – Лакомый кусок. – Богатство и мощь Акинфия. – "Благородные" металлы. – Кровавая история золота. – Обожание богатства в обществе. – Открытие серебряных руд. – Змеиногорский рудник. – Первый слиток. – Монетный двор в Невьянске. – Фальшивый монетчик. – Игра в карты во дворце. – Отобрание заводов. – Свойства Акинфия. – Смерть грозного заводчика

Что Акинфий вошел в довольно близкие отношения с герцогом Курляндским – видно, между прочим, из такого факта. В 1737 году младший брат герцога, Густав Бирон, проезжал через Тулу. "Вдова комиссара Никиты" просила его быть свидетелем при утверждении ее духовного завещания и подала знатному тульскому гостю "мемориал", на котором тот и расписался. Понятно, без участия в этом деле Акинфия Густав Бирон не мог бы и подозревать о существовании в Туле какой-то простой неграмотной женщины. А заручившись такою могучей "протекцией", Акинфий мог еще безнаказаннее хозяйничать в своих уральских дебрях.

В 1735 году на Урале была открыта знаменитая гора Благодать, названная так Татищевым, "ибо такое подземное сокровище, – рапортовал в Кабинет Василий Никитич, – на счастье ее величества, по благодати Божией открылось". Действительно, эта знаменитая гора представляет неисчерпаемое богатство великолепнейшей железной руды, залегающей в ней мощным пластом в десятки сажен толщиною.

Открывший эту гору вогулич Чумпин явился с рудой к горному офицеру Ярцеву и просил скорее записать открытое месторождение "на государя", потому что эту же руду пошел объявлять к Акинфию брат Чумпина.

Ярцев, в сопровождении Чумпина, немедленно осмотрел гору и, убедившись в ее чрезвычайном богатстве, а также "из особого к государевой казне усердия", сам со взятою рудою поскакал для объявления ее в главную канцелярию, в Екатеринбург.

Жутко было ретивому офицеру проезжать через дачи и леса Невьянского завода, где в это время находился Акинфий. Ярцева уже подозревали, старались удержать и "выспрашивали". Но он кое-как успел скрыться от Демидова и насилу ускакал от посланной за ним опасной погони. Плохо пришлось бы Ярцеву, если бы он, скрываясь, не успел окольными путями доскакать до Екатеринбурга. Через два часа после того, как напуганный и

измученный тяжелою дорогою Ярцев объявил о руде, которую и записали “на государя”, – прискакал и доверенный Демидова с просьбою о записи горы на имя его господина; но ему было отказано.

Демидов уже вошел в роль жадного и завистливого заводчика: как ни были необъятны его владения, ему хотелось захватить еще больше. Однако гора Благодать – этот лакомый кусок – ускользнула от его жадных рук: она была оставлена за казною, хотя немного спустя и отдана, по проискам Бирона, за бесценок проходимцу Шембергу, а впоследствии елизаветинскому вельможе графу Шувалову, сумевшему и при пользовании Благодатью наделать миллионных долгов. Впрочем, сначала руда из этой горы была предоставлена всем промышленникам. Энергичный и ловкий Демидов сумел и тут отстранить опасного конкурента Осокина; вскоре сыном Акинфия – Никитою Акинфиевичем были построены поблизости от Благодати два завода: Верхне– и Нижнесалдинские, действующие великолепно и до сих пор.

Сообщим здесь кстати, до чего дешево доставались Акинфию земли и разные угодья на Урале, впоследствии стоившие миллионов: он, например, купил у башкир Енейской волости за 120 рублей Камбарскую лесную дачу пространством до 40 тысяч десятин и за всю гору Благодать предлагал Татищеву, рассчитывая на свои прежние удачи, – 3000 рублей.

Акинфий был обладателем всевозможных богатств: у него были десятки железных и медных заводов, миллионы десятин лесов и земель, бесчисленные угодья и десятки тысяч душ крестьян; в его рудниках добывались всевозможные руды и редкие минералы. И притом заводы Демидова стояли на высоте требований современной техники и производили разнообразные предметы: при проезде через Невьянский завод академика Гмелина (1742 год) там, кроме изготовления воинских снарядов, пушек и ружей, очищалась медь, привозившаяся с Колыванских заводов, делалось листовое железо, жесть, якоря, медная и железная посуда и отливались колокола.

Имя Акинфия было славно и грозно; в своих владениях он пользовался властью, которой могли бы позавидовать многие владетельные особы. Но этого было мало для энергичного и честолюбивого кузнеца: он открыл знаменитые алтайские рудники и стал получать из них благородные металлы, серебро и даже золото. Эти рудники и заводы, в которых получено не менее 100 тысяч пудов одного серебра, теперь составляют собственность Кабинета государя императора.

Из-за “благородных” металлов много было совершено

“неблагородных” поступков и кровавых преступлений. “Булат” проливал моря крови, чтобы обладать “золотом”. За “золотым руном” еще в классической древности была снаряжена экспедиция аргонавтов. Фердинанд Кортец и Франциск Писарро, с толпою смелой и отважной голытьбы, переплыли на “утлых ладьях” неизвестное и безграничное море и, чтобы добыть несколько бочонков “презренного” металла и стащить с купола храма Солнца великолепное золотое солнце в добрый десяток пудов весом, – разгромили царства ацтеков и инков. И это золото потом с безумною расточительностью окровавленными руками разбрасывалось направо и налево. Да, золото пользуется еще слишком властной репутацией, чтобы с ним всегда могли успешно конкурировать честь, совесть и другие человеческие добродетели. Недаром поет Мефистофель:

Этот идол золотой
Волю неба презирает;
Насмехаясь, изменяет
Он небес закон святой!

Настолько у всех велика “жажда золота”, что мы теперь только с большим трудом можем представить себе то далекое, но светлое будущее, когда человечество отвыкнет от безумной привычки, как дитя, тянуться руками к блестящим монетным кружочкам и не будет считать синонимом счастья богатство. И не скоро, кажется, придет время, когда громадные силы, употребляющиеся теперь для добывания горсти “благородных” металлов, будут тратиться на более производительное и полезное дело.

Как мы сказали выше, Акинфий давно уже знал о существовании поблизости от его новых владений “благородных” металлов, и есть основание полагать, что он уже давно получал эти металлы. Как бы то ни было, но знаменитые алтайские серебряные рудники открыты им: по точным, официальным сведениям, при плавке руды на речке Карбалихе в 1736 году служащие Демидова получили серебро, но сочли это хитростью пробирщика, подмешавшего будто бы в плавку, ради получения награды, этот металл из “чудских могил”, и поэтому не обратили особенного внимания на этот случай. Но в 1742 году Акинфием был уже открыт знаменитый Змеиногорский рудник, давший несметные богатства: в нем руда встречалась с самородными драгоценными металлами.

Акинфий Никитич не мог уже сомневаться в присутствии серебра и золота в рудах и специально занялся отделением

“благородных” металлов. Он выписал из-за границы мастеров в Колывано-Воскресенские заводы и в 1743 – 1744 годах получил на них впервые, так сказать, официальным путем слиток до 3-х пудов весом.

Так как тогда плавка серебра составляла регалию казны и воспрещалась частным лицам, то Акинфий мог опасаться, что у него отнимут богатейшие серебряные рудники. Но однако он, не брезгавший никакими средствами, нашел возможность удерживать у себя вначале открытые богатства. Предание указывает на то, что он перерабатывал у себя серебро и чеканил монету. Если в позднейшее время один из Баташевых был пайщиком разбойников и убийц, “работавших” на славу в его владениях, то отчего же и Акинфий не мог быть “фальшивым монетчиком”? Чего ему было опасаться? Все ему было подвластно и трепетало его грозных взглядов. В руках заводчика были страшные средства, и болтуны навеки умолкали. Подземелья Невьянской башни, с массою ходов и закоулков, как говорят, служили невьянскому царьку монетным двором. По ночам спускался Акинфий “в подвал свой тайный, к верным сундукам”. Много страшного рассказывают об этом местные предания, и, по одному из них, “отребье”, работавшее в подвалах, где чеканилась монета, было затоплено во избежание доносов ревизору. На этой отдаленной окраине тогдашней Руси, при взяточничестве чиновников, при праве сильного, – страшна была власть помещика, тем более, если он обладал таким железным сердцем и могучею волею, какими был несомненно наделен Акинфий Никитич.

Рассказывают, что однажды во дворце Акинфий, допущенный туда благодаря своим связям, играл за одним столом с императрицей Анной Иоанновной в карты. Заводчик был неуклюж, не обладал лоском придворного, и ему жал плечи французский кафтан; но он был страшно богат, а за это многое прощается. Акинфий рассчитывался по проигрышу новенькими монетами.

– Моей или твоей работы, Никитич? – спросила партнера с двусмысленной улыбкой императрица.

– Мы все твои, матушка-государыня, – уклончиво, но ловко ответил Демидов, – и я твой, и все мое – твое!

Государыня и придворные рассмеялись.

Но недолго пришлось Демидову чеканить монету и “воровски” добывать серебро. Один из участников в этих работах, Трегер, служивший у Акинфия Никитича штейгером, сбежал, – и предприимчивый монетчик, опасаясь доноса, поспешил сообщить императрице Елизавете об открытых им рудных богатствах, прося

ее прислать освидетельствовать прииски.

В 1745 году прибыл на Колывано-Воскресенские заводы опытный в горном деле бригадир Беер. Плавка серебра была начата под его наблюдением, а приказчики Демидова устранены. И в декабре того же года Беер привез в Петербург 44 пуда алтайского золотистого серебра. Из этого серебра, как из “первоприобретенного”, сделали раку для мощей св. Александра Невского. В 1747 году Колывано-Воскресенские заводы были совсем взяты в Кабинет от Демидовых и наследникам Акинфия уплачена за них крупная сумма.

Но открытие рудников благородных металлов и выплавка серебра были уже последними подвигами Акинфия Никитича, получившего “за размножение заводов” чин действительного статского советника, и его жизненный путь приближался к закату.

Резюмируем же здесь все то, что знаем об этом человеке, самом знаменитом из Демидовых. Громадное значение его в истории горного дела в России несомненно: он это дело, так сказать, основал, прочною ногою поставил в наиболее важном по горным богатствам районе – на Урале. Его заводы были хорошею школою для изучения дела населением и последующими предпринимателями, а раньше мы уже видели, что они дали несомненно толчок и кустарным производствам, которыми теперь питаются десятки тысяч уральских жителей. Счастье и умение Демидова вызвало большое число подражателей, соблазнившихся его колоссальным успехом, и многие из этих подражателей, в свою очередь, оказали немало услуг горному делу. Акинфий построил 17 заводов, открыл большое количество рудных месторождений и устроил немало рудников. Он первый (по крайней мере в значительных количествах) начал в России плавить медь, и до сих пор у его потомков хранится медный стол, сделанный из первой добытой на Урале и в Сибири меди. Многие из изделий его заводов были высоких качеств. И наконец, тому же Акинфию мы обязаны открытием богатых алтайских серебряных рудников и началом плавки серебра на Алтае (если не он первый начал его добывать вообще в России). Все это он мог сделать только потому, что сам был когда-то кузнецом и знал в совершенстве заводскую работу, а также и потому, что обладал громадною силою воли и редкою в тогдашней Руси предприимчивостью. Нужно, конечно, не забывать и того, что судьба дала ему в руки громадную рабочую силу в лице крепостных и приписных крестьян.

О предприимчивости Акинфия секретарь саксонского посольства Пецольт, между прочим, сообщает следующее: заводчик хотел пуститься в гигантское финансовое предприятие и

предлагал казне уплачивать всю подушную подать прямо от себя, с тем, однако, чтобы ему уступили все солеварни, даже те, которыми издавна владел род Строгановых, и чтобы продажная цена соли была несколько возвышена. Вероятно, этот откуп податей и соли представил бы новую яркую картину распорядительности Акинфия и его крутых расправ, но предложение заводчика, не довольствовавшегося своим громадным богатством и желавшего его приумножить взятием в железные лапы всей России, было отвергнуто.

Акинфий обладал недюжинным умом, что видно из всех его распоряжений, а также из сохранившихся писем. О характере его мы имели уже случай говорить: это был один из редких характеров по своей цельности и жесткости. В груди Акинфия билось “железное” сердце: жизнь и страдания подвластных Демидову и окружавших людей были для него пустым звуком. Он был горд, властолюбив, не выносил подчинения и притом, как сказано, обладал необычайной энергией. Все эти свойства Демидова обнаружились в его распре с сильным противником – Татищевым. Почти перед своею смертью Акинфий взял окончательно верх над знаменитым историком и усмирителем башкирских восстаний: Елизавета именным указом строго воспретила “чинить обиды” Демидову, изъяла его из ведения Татищева и приказала о заводчике доносить прямо себе, “ибо Демидов (говорилось в указе) в собственной нашей протекции и защищении содержаться имеет”.

По привычкам Акинфий представлял уже переход от строгой простоты отца к роскоши и барству елизаветинских и екатерининских вельмож, которые так хорошо оправдывают известное изречение Наполеона I о русских: “Поскоблите их и найдете татарина”. Никита жил в избе, с кузницею во дворе, сын – в больших каменных палатах. Отец не брал в рот хмельного, сын задавал лукулловские пиры, носил кафтан и парик, а внук, сын Акинфия (Никита), переписывался уже с Вольтером! Разумеется, роскошь Акинфия была лишь крохами от его громадного богатства и в очень большой степени обусловливалась деловыми соображениями. Он, как и Никита, был приобретателем: “расточители” и “прожигатели” явились позднее – уже в их потомстве.

Менее мы знаем о семейных отношениях Акинфия Никитича. Известно, впрочем, что он почитал отца и боялся его; но старик Демидов сам был не таким человеком, чтоб позволить сыну забыться. Что же касается супружеской жизни Акинфия, то он в этом отношении, кажется, разделял участь многих могучих и властных людей. Как известно, многие завоеватели и правители,

наводившие страх на государства и пред которыми “народы едва дрожать лишь смели”, были тем не менее под башмаками у своих супруг. Что-то похожее на это было и с Акинфием. Известно, по крайней мере, что вторая супруга невьянского властелина Евфимия Ивановна, рожденная Пальцева, имела большое влияние на мужа. Она заставила его изменить завещание, которым тот распределил свое богатство по ровной части между тремя сыновьями, – из которых двое были от первой жены, – в пользу единственного сына Никиты – от второй. Этот младший сын был бы единственным наследником отца, если бы завещание, отдававшее ему все, не было потом, по воле императрицы Елизаветы, отменено и обиженные братья не восстановлены в своих правах.

Несокрушимого Акинфия все-таки сокрушила смерть:

...Этот рыцарь с косою —
Всех людей повергает во прах!

Она застигла его на пути в Тулу. На старости лет, чувствуя уже себя усталым от жизненной битвы, Акинфий захотел посмотреть на те места, где провел детство и юность; чувство тоски по родине закралось и в его железное сердце. Возвращаясь на уральские заводы, он достиг уже Камы, но, чувствуя себя нездоровым, пристал близ села Ицкое-Устье Мензелинского уезда. Здесь 5 августа 1745 года Акинфий скончался в возрасте 67 лет. Похоронили его на родине, в Туле. Не удовлетворявшийся бесконечными пространствами своих владений и жаждавший новых приобретений, грозный невьянский властелин успокоился на небольшом клочке могильной земли. Sic transit gloria mundi[3]!

После Акинфия остались несметные богатства: десятки рудников и заводов – из них некоторые приобрели европейскую известность, как Невьянский и Нижнетагильский, – громадные капиталы и 30 тысяч душ крестьян (вместе с приписными), не считая домов и драгоценностей. Некоторые из этих заводов, правда, теперь пришли в упадок, но это вовсе не от недостатка их естественных богатств, а от неумения заводчиков, от недостатка энергии и настойчивости, от их разорительной роскоши. Теперь, конечно, уж прошла пора тех жертв со стороны государства, при помощи которых создавалось горное производство на нашей родине, и недостаток энергии и умения трудно заменить постоянными попрошайничествами у правительства и высокими покровительственными тарифами.

Наше перечисление богатств, оставленных Акинфием, было бы не полно, если бы мы не прибавили, что в дачах Невьянского,

Нижнетагильского и других заводов были впоследствии открыты богатейшие платиновые и золотые россыпи. Правда, успех Акинфия и его неизмеримое богатство в значительной степени построены на тех “правых слезах” и “обидных воздыханиях”, о которых так красноречиво говорила грамота Петра I, но что же делать, если из этого материала пока строится вся история человечества?!

Глава VI. Не в отцов дети

Демидовы-родоначальники и Демидовы-потомки. – Никита Акинфиевич. – Его жестокость. – Эпизод с беглыми. – Диковинные вещи на Урале. – Переписка с Вольтером. – Путешествие Никиты. – Жалобы крестьянского депутата. – "Чудаки" и "чудачества". – Прокофий Акинфиевич. – Его шутки. – Нелюбовь к дворянам. – История со статс-дамой. – Пожертвования "чудака". – Женитьба по объявлению. – Продажа заводов Савве Яковлеву. – Долг Сумарокова

В предшествующих главах мы говорили о Демидовых-родоначальниках, здесь будем говорить о Демидовых-потомках. Что бы мы ни думали о грехах старика Никиты и его сына Акинфия, должно, однако, сознаться, что в этих людях есть что-то, заставляющее удивляться им. Невьянские владыки, по их цельности, их, если можно так выразиться, стихийной мощи и неодолимой энергии, могли бы быть для поэтов-романтиков прекрасными героями и годятся в шекспировские пьесы. Им пришлось действовать не по торному пути, а самим создавать себе и сферу действия, и подходящие приемы, – они были, одним словом, "созидатели".

Другое мы встречаем у потомков, тоже, в свою очередь, интересных. Громадное богатство, доставшееся им без всяких трудов, было благодарною почвой, на которой развились всевозможные странные явления, до юродства включительно. У потомков мы уже не встречаем той цельности, какая была у предков: те напрямик шли к своей цели и не стеснялись ничем. Они не смотрели на "правые слезы" и не слушали "обидных воздыханий". В их головы не могло закрасться и сомнения в том, что для людей есть иные законы, кроме права наиболее сильного и хитрого, – да и к этому предков располагала вся окружающая их обстановка. Но потомкам пришлось жить при иных веяниях: им хотелось "и невинность соблюсти, и капитал приобрести". Но на их примере мы увидим новое подтверждение евангельской истины, что богатым труднее достигнуть нравственного удовлетворения, чем "верблюду пройти сквозь игольное ушко".

Мы будем говорить только о таких потомках Акинфия, которые по тем или другим своим качествам представляют интерес как сами по себе, так и в связи с общественными явлениями того времени, когда им пришлось жить и действовать.

Из них Никита Акинфиевич – младший сын Акинфия, подобно своему дяде Никите Никитичу жестоко наказывавший своих приказчиков и крестьян и вместе с тем переписывавшийся с

Вольтером, – походил на своего знаменитого отца только разве жестокосердием; Прокофий Акинфиевич, старший сын Акинфия, прославился своими пожертвованиями, но еще больше чудачеством, доходившим иногда до жестокого шутовства: он может смело считаться одним из прототипов современных замоскворецких самодуров и Кит Китычей; Павел Григорьевич, сын Григория Акинфиевича, среднего из сыновей Акинфия и, следовательно, внук самого Акинфия, был основателем известного демидовского лицея в Ярославле и наконец "великолепные" князья Сан-Донато Анатолий и Павел способствовали популяризации имени Демидовых в Европе, а один из них (Анатолий) даже породнил фамилию тульского кузнеца с домом изгнанника св. Елены, Наполеона I.

Никита Акинфиевич родился 8 сентября 1724 года во время путешествия родителей на берегу Чусовой, где до сих пор в память этого "знаменательного" события стоит каменный крест. Никита безотлучно находился при отце и был его любимцем. Образование он получил, конечно, домашнее и считался любителем и знатоком художественных предметов. Он уже не жил постоянно на своих уральских заводах, а тяготел к столицам. Видимо, ему хотелось пробраться в знать и украсить свою не совсем еще родовитую новоиспеченную дворянскую грудь золотым шитьем камергера. Он был близок с великим князем Петром Федоровичем (впоследствии император Петр III), занимавшим у него деньги. За эти услуги Никите была пожалована Анненская лента, но со стеснительным условием – возложить ее на себя лишь после кончины императрицы Елизаветы. При восшествии на престол Петра III Никита Акинфиевич надел эту ленту, но Екатерина II отобрала ее. Впрочем, опала продолжалась недолго: Екатерина возвратила ему орден и, вероятно, за причиненную неприятность произвела опального Демидова в статские советники.

Никита Акинфиевич основал несколько заводов. Да ему, сыну такого известного отца, стыдно было бы этого не сделать. Но все-таки его имя в этом отношении не пользуется славою; зато оно приобрело печальную известность как имя грозного и жестокого владельца заводских крестьян. Зная его действия как хозяина рабочих, становится обидно за то, что этот человек мог быть таким жестоким к крестьянству, из среды которого он сам еще так недавно вышел. Ко времени его заведования Невьянским заводом относится следующий рассказ старожилов, характеризующий жестокого самодура-заводчика.

Никита принимал всех бродяг на заводы, хотя это и было строго запрещено. Неугомонный Татищев узнал об этом и донес в

Петербург, где проживал заводовладелец. На донос взглянули серьезно, и одному из сенаторов было приказано отправиться на Урал произвести следствие. Началось дело, грозившее Демидову весьма дурною развязкою.

Пока, однако, началось следствие, оповещенный Демидов, узнав, что большинство его беглых принадлежало подмосковным владельцам, купил у последних считавшихся в бегах людей, а наиболее опасных из бродяг и не открывшихся велел невьянскому управителю держать в кучке и запрятать в подземелье, чтобы никто из посторонних этого не видел, и, если нужно, – оставить там навеки.

Когда ревизор (для которого в Невьянске был построен наскоро великолепно меблированный дом) прибыл на заводы, то все оказалось в порядке: на людей были крепостные акты и ревизские сказки, дезертиров не было. Тревога кончилась пустяками, только запрятанные в подземелье не вышли уже на Божий свет.

Но, вероятно, ревизор-сенатор не угодил чем-то заводчику. Когда они свиделись в Петербурге и тот похвалил помещение в Невьянске, где пришлось ему жить, то Никита Акинфиевич велел дом со всем, что в нем заключалось, сжечь. Предусмотрительный управитель исполнил приказание, но предварительно вынул для себя дорогую мебель и утварь.

Много диковинного для нашего времени делалось на Урале заводовладельцами, на которых трудно было дождаться управы: свободных иностранцев записывали в крепостные; француженку, приехавшую в качестве веселой гостьи к заводчику, последний, рассердившись, выдрал кнутом и выдал замуж за пьяницу-рабочего. И таких фактов насчитывается немало!

Несмотря на свои “подвиги”, похожие на деяния какого-нибудь африканского царька-деспота, Никита Акинфиевич переписывался с Вольтером! Интересно было бы знать, что писал грозному рабовладельцу знаменитый фернейский отшельник и боец за права личности, любивший, к несчастью, “презренный” металл и не гнушавшийся получать “презенты” от своих властительных и богатых корреспондентов? К сожалению, эта переписка не сохранилась. Зато имеется другой любопытный документ: это журнал путешествия Никиты Акинфиевича за границею, в котором путешественник с аккуратностью отмечал все, что было, по его мнению, интересного “за морем”. Путешествовал он в сообществе известного впоследствии живописца Шубина и с большою помпою, хотя, рассыпая золото, иногда торговался из-за грошей и, чтобы не платить таможенных пошлин на возвратном пути, купленный бархат перешил в платья.

Кстати упомянем здесь, что Демидовы не прочь были порою по-мещански скаредничать и что спор братьев-наследников о разделе имущества после Акинфия выражался в далеко не дружелюбных формах: братья находили возможным препираться даже о конторщике Афанасии Яковлеве, уступленном сначала одному из них “из единой любви братской”.

Больную жену Никиты доктора послали “париться в теплых ключах, в Спа”, а потом доктор Гобиус в Лейдене прописал ей, как сообщает в лейкинском жанре автор дневника, “пить ишачье молоко для наведения тела”. В этом дневнике, между прочим, грозный заводчик очень игриво и довольно остроумно описывает парижскую женщину, “красота которой похожа на часовую пружину, сходящую каждые сутки; равным образом и прелесть их заводится всякое утро, и все это делается притиранием, окроплением, убелением и промыванием”.

Почетный член Академии художеств и вольноэкономического общества, любитель и собиратель всяческих “раритетов”, игривый оценщик красоты парижской женщины возбуждал, однако, справедливое негодование своими действиями на заводах, так что в комиссии для составления проекта нового уложения, в заседании 23 августа 1768 года, депутат от крестьян верх-исетской провинции Минаков жаловался на притеснения Демидова, и эти жалобы были найдены справедливыми.

Нечего и говорить, что Никита Акинфиевич оставил своему единственному сыну Николаю гораздо большее состояние, чем получил сам: один Нижнетагильский завод, с открытыми в его дачах впоследствии богатыми золотыми и платиновыми россыпями, представлял неоценимое сокровище. Князья Сан-Донато, владельцы несметных богатств, составляют прямое потомство Никиты Акинфиевича.

Стремясь вылезть в знать, – явное уже отличие от отца и деда, – Никита Акинфиевич выдал своих двух дочерей за представителей власти и силы, между тем как чудак брат его Прокофий, к которому мы переходим теперь, питал очень недружелюбное чувство к дворянам и знатным и часто проделывал над ними очень неладные шутки.

Чудаки и чудачества были довольно распространенными явлениями на Руси. Эта разновидность, если можно так выразиться, психоза, представляющая, вероятно, в числе других психозов результат вырождения, в особенности процветала во время крепостного права, когда она являлась в самых разнообразных формах среди помещиков. Обилие свободного времени, избыток средств и дарового труда, а также и то обстоятельство, что было перед кем поломаться безнаказанно,

обусловливали это явление, которому сродни и купеческие самодуры, обрисованные Островским в его бытовых комедиях. При таких условиях, когда объекты шуток не имеют права на протест, самое, по-видимому, безобидное ломанье очень тяжело отражается на подневольных людях, и мы действительно часто в прошлом видим многих чудаков, которые, будучи добряками и совершенно не желая причинять страданий окружающим людям, тем не менее заставляли их страдать. Мы уже не говорим здесь о представителях “злобного чудачества”, этого несомненного извращения нравственных чувств, наиболее безумными представителями которого являлись, например, Нерон, зажегший Рим и певший при этом о пожаре Трои, или Гелиогабал с его сумасшедшими выходками.

По-видимому, Прокофий Акинфиевич был из числа добрых чудаков; по крайней мере, многие факты говорят за это. Несомненно, что его отношения к рабочим были гораздо гуманнее обращения его брата Никиты. В письмах из Москвы к своим детям, бывшим на заводах, он просил не принуждать отказывавшихся работать крестьян насилием к работе и поручал переговорить с “генералом” (Вяземским), посланным для разбора дела, чтобы он не доводил крестьян “до разорения”. “Правда, нам остановки и ущерб в народе быть может, – гласило в заключение письмо Прокофия, – да, знать, за грехи наши Бог так благоволил”.

Тем не менее от постоянных самодурств и привередничанья Прокофия умерла (в 1764 году) первая его жена Матрена Антиповна Пастухова. Даже в самых простых шутках этого чудака все-таки проглядывается желание поглумиться над жертвою. Приглашаем читателя полюбоваться некоторыми проделками Прокофия Акинфиевича.

Знакомая старуха пришла к нему попросить 1000 руб. взаймы. Чудак не отказал ей, но с условием, чтобы просительница сама отсчитала эту сумму медными деньгами и взяла ее с собою. Нужно знать, что прежние медные деньги были очень тяжеловесны и унести 1000 руб. меди не смог бы даже и Геркулес: их можно было только увезти, да и то не менее как на трех ломовиках. Злосчастная старуха билась со счетом 1000 руб. до самого вечера, а Прокофий Акинфиевич, прохаживаясь по комнате, как будто нечаянно рассыпал сочтенные деньги, – и старухе снова приходилось их пересчитывать.

– Не дать ли тебе, матушка, золотом? – сказал наконец чудак, сжалившись над своею жертвою, – а то, чай, медь-то неудобно нести?

– И то, родимый, золотом-то сподручнее нести! – согласилась с хозяином обрадованная старуха.

Прокофий Акинфиевич вызывал охотников пролежать у него в доме, не вставая с постели, на спине, круглый год. Когда находился желающий, его обставляли всевозможным комфортом, но особые люди следили исподтишка и день, и ночь за спортсменом. Если он выдерживал испытание (что было крайне трудно), то получал несколько тысяч рублей. Но если испытуемый, обманутый отсутствием наблюдателей, вставал с постели – его беспощадно секли и выгоняли вон.

Невинные забавы чудака постоянно потешали праздную публику. Он ездил на колымаге, окрашенной ярко-оранжевою краскою, цугом. Цуг состоял из двух маленьких лошадей в корню, двух огромных – в середине, с форейтором-карликом, и двух также небольших лошадок впереди, но с форейтором такого высокого роста, что длинные ноги его тащились по мостовой.

Ливрея лакеев вполне гармонировала с удивительною упряжью: одна половина была сшита из золотого галуна, другая – из самой грубой сермяги; одна нога лакея обута в шелковый чулок и лакированный башмак, другая – в онучи и лапоть. Очень так же бесцеремонно Демидов осмеивал появлявшиеся моды. Когда считалось шиком носить очки, Прокофий Акинфиевич надел их не только на свою прислугу, но даже на лошадей и собак. Вероятно, за этим удивительным экипажем бегали толпы зевак, что в сущности только и нужно было его затейливому владельцу.

Очень многие шутки Прокофия были направлены против знатных и титулованных особ, к которым он почему-то чувствовал особую антипатию. Вынес ли он какое-нибудь унижение от “знатных” или просто в нем еще много было “мужицкой кости”, как в сыне тульского крестьянина, но только чудак питал несомненную неприязнь к дворянам.

Первой статс-даме императрицы Елизаветы графине Румянцевой, во время пребывания в Москве, понадобилось 5000 рублей. Тщетно объездив знакомых, она принуждена была обратиться к Демидову. Тот принял ее чрезвычайно сухо и сказал довольно, кажется, справедливые для того времени слова:

– У меня нет денег для женщин вашего звания, потому что на вас управы нет, если не заплатите денег к сроку. Вы привыкли быть выше закона, и сам черт с вами ничего не поделает!

Графиня терпеливо перенесла оскорбление и, надеясь, что Демидов смягчится, возобновила просьбу. Но Прокофий Акинфиевич сказал новую дерзость, заставившую графиню вспыхнуть. Та в слезах хотела было выйти, но Демидов удержал ее в дверях.

– Я вам дам денег, – сказал он, – но с условием, если вы

дадите мне расписку, какую я захочу.

Графиня сначала было согласилась. Но, к ее изумлению, расписка была такого содержания: “Я, нижеподписавшаяся, обязуюсь заплатить Демидову через месяц 5000 рублей, полученные мною от него. Если же этого не исполню, то позволяю ему объявить всем, кому он заблагорассудит, что я – распутная женщина”. Румянцева хотя и знала, что Демидов “чудит”, но такой штуки даже от него не ожидала и с негодованием отказалась подписать удивительную бумагу.

– Как хотите, – равнодушно заметил Демидов, – а я иначе не дам.

После многих и напрасных просьб Румянцева, нуждаясь в деньгах и рассчитывая уплатить их в срок, подписала расписку. Но, увы, долга в срок она уплатить не могла! И вот Прокофий Акинфиевич едет в дворянское собрание, собирает около себя молодежь и читает знаменитую расписку. Молодежь хохочет. Екатерина II, бывшая в собрании, предчувствуя новую проказу чудака, приказала разузнать, в чем дело, – и немедленно же велела Прокофию Акинфиевичу оставить залу. Злосчастный долг Румянцевой, по поручению императрицы, был на другой же день уплачен Демидову.

То же проделал Прокофий и с княгинею Анною Александровной Голицыной. В таком же роде обошелся он и с братом известного фаворита Екатерины II, Федором Григорьевичем Орловым. Мы приведем вкратце характерные подробности этого свидания.

В первую турецкую войну была нужда в деньгах, Румянцев настоятельно их требовал. Императрица через Орлова обратилась к Демидову, “не может ли ссудить 4 миллиона рублей?”

– Императрице не дам, – объявил Демидов, – уж такой у меня нрав, что боюсь дать тому, кто меня посечь может! А тебе дам.

И он предложил Орлову такое условие: если тот не принесет ссуды в срок, час в час, для чего даже предложил обменяться часами, то Прокофий может дать Орлову при приятелях три оплеухи. Орлов согласился на это условие только с соизволения императрицы, знавшей “чудачества” Демидова. Деньги были готовы к уплате раньше условного времени, но чудак согласился принять их только в срок.

При проезде через Москву какого-то важного лица Демидов сделал в честь него обед, на который позвал более ста человек; но особа перед самым обедом известила хозяина, что не может приехать, потому что отозвана к генерал-губернатору. Взбешенный Демидов приказал втащить в столовую свинью, посадил ее на почетное место и в течение всего обеда сам служил

ей. Свинья страшно хрюкала и рвалась, а Прокофий Акинфиевич подносил ей самые дорогие кушанья, кланялся в пояс и приговаривал:

– Кушайте, ваше сиятельство, на здоровье, не брезгайте моим хлебом и солью: век не забуду вашего одолжения!

Было бы излишне рассказывать здесь про все издевательства над людьми, какие Прокофий Демидов, будучи богатым человеком, позволял себе. Шутки его переходили всякую границу дозволенного, и дело дошло до того, что его "пашквили" на брата и, кажется, на лиц близких императрице были публично, под виселицею, сожжены рукою палача.

Однако чудак оказался первым крупным благотворителем из рода Демидовых. Он пожертвовал на московский воспитательный дом более миллиона рублей, тронутый тем, что Екатерина II учреждением этого дома "многие беззакония и зверские злодейства предупредила и отвратила". Он же является учредителем нынешнего петербургского коммерческого училища. Всего им пожертвовано на дело общественной благотворительности не менее полутора миллионов рублей. Разумеется, история этих пожертвований связана со многими комическими эпизодами: Прокофий Акинфиевич не мог не отколоть коленца, если к этому представлялись подходящие обстоятельства.

С интересом читаются письма Прокофия Акинфиевича к его сыновьям, зятю и любимой дочери. В них, сквозь юродивую форму, мелькают часто остроумные и ядовитые замечания, – немало достается и "сильным мира сего". По всему видно, что, несмотря на выказываемое порою юродство, Демидов был не глуп и даже в известной степени образованный человек. Мы знаем, например, что он занимался ботаникою, любил растения и собранная им коллекция редких лавровых и других деревьев ценилась в громадную сумму.

Прокофий Акинфиевич путешествовал за границею и немало удивлял своими чудачествами и мотовством иностранцев. К несчастью, как это ни обидно для нашего самолюбия, нужно признаться, что и до сих пор, кажется, только этот род удивления и возбуждают у чужеземцев наши путешествующие и швыряющие за границею деньги богачи.

Прокофий, кажется, первый из крупных Демидовых отступил от привычки воспитывать около себя детей. Его сыновья учились в Гамбурге и, по приезде в Россию, сначала совсем не умели объясняться по-русски. Демидов сыновей почему-то не любил и обделил их наследством. Дочерей своих Прокофий Акинфиевич, из нелюбви к дворянам, старался выдать за фабрикантов и

заводчиков, хотя, конечно, и тогда было немало дворянской голытьбы, с удовольствием готовой на всякий mesalliance из-за капитала. И когда одна из дочерей чудака объявила, что выйдет замуж только за дворянина, то Демидов прибил к воротам своего дома вывеску, что “у него есть дочь-дворянка и не желает ли кто из дворян на ней жениться?” Случайно проходивший мимо чиновник Станиславский первый прочитал оригинальное объявление, явился к Прокофию Акинфиевичу, сделал предложение и в тот же день был обвенчан с его вздумавшей капризничать дочерью.

Прокофий Демидов не особенно любил горное дело. Хотя им основаны два или три завода, не имевших особого значения, но зато он сравнительно за бесценок продал доставшиеся ему от отца шесть заводов, в том числе и знаменитый Невьянский, богачу того времени Савве Яковлеву.

Это не мешало, однако, Прокофию Акинфиевичу вести исправно свои денежные дела. Он отдавал деньги в ссуду под проценты, и немалое число лиц было его должниками. Известный писатель Сумароков задолжал Демидову 2 тысячи рублей и должен был обращаться даже к князю Потемкину за защитою от назойливого кредитора, который хотел его выгнать из заложенного дома.

Глава VII. Демидовы-европейцы

Благотворительность Демидовых. – Павел Григорьевич Демидов. – Его воспитание и путешествие. – Переписка с Линнеем. – Светлый момент русской истории. – Манифест о министерствах. – Основание лицея в Ярославле. – Сентенции Павла Григорьевича. – Князья Сан-Донато. – Анатолий и его отец. – Собирание коллекций. – Женитьба. – Салон принцессы Матильды. – Куда шли миллионы Анатолия. – Его выходки. – Смерть. – Павел Сан-Донато. – Воспитание и университет. – Женитьба и смерть жены. – Служба по выборам. – Вторая женитьба. – Религия. – Деятельность в "Красном кресте". – Жизнь в Петербурге. – Литературная деятельность. – Благотворительность. – Смерть

Демидовы известны своими пожертвованиями на общественные дела: они давали на это огромные суммы не только на родине, но и за границею. Благодарная Флоренция воздвигла памятник Николаю Демидову и выбрала его детей в почетные граждане. Итальянский король сделал правнука кузнеца Акинфия князем Сан-Донато, а Павлу Павловичу Демидову за его благотворительность, кроме того же княжеского титула, пожалованы были ордена Маврикия и Лазаря, и он же был кавалером французского Почетного Легиона.

Если Демидовы и жертвовали миллионы на осушение "правых слез" и прекращение "обидных воздыханий", то они, по совести говоря, должны были это сделать уже по самому характеру происхождения своего богатства, многим обязанного этим "слезам и воздыханиям". С другой стороны, нельзя не припомнить при этом чудного рассказа из Евангелия о лепте бедной вдовицы, которую Христос так трогательно противопоставил большим жертвам богачей.

Мы уже говорили о пожертвованных Прокофием Акинфиевичем полутора миллионах. Павел Григорьевич, внук Акинфия, пожертвовал громадные средства на основание нынешнего ярославского Демидовского юридического лицея; другой внук Акинфия, сын грозного Никиты, Николай Никитич, как и граф Дмитриев-Мамонов, сын фаворита Екатерины II, содержал на свой счет полк солдат в эпоху Отечественной войны (1812 год). Наконец, уже на наших глазах князья Сан-Донато отличались щедрою благотворительностью, основав, между прочим, Демидовский дом призрения трудящихся, Николаевскую детскую больницу и жертвуя громадные суммы для разных других целей.

Может быть, во многих из этих случаев играло немалую роль тщеславие, а не искреннее участие к тому или другому полезному делу; но тем не менее все эти пожертвования мы обязаны отметить как несомненную заслугу перед государством, как отплату ему за те льготы, которыми родоначальники Демидовых пользовались от него, а что род Демидовых много должен родине, – в этом, конечно, трудно сомневаться.

Павел Григорьевич Демидов (родился в 1738 году, скончался в 1821-м), сын Григория Акинфиевича, основатель лицея в Ярославле, по сохранившимся о нем сведениям, был человек для своего времени несомненно образованный и отличался недюжинными способностями: по четвертому году он уже умел читать, впоследствии изучил прекрасно иностранные языки, играл на фортепиано и скрипке. Образование он получил, так сказать, западное, а не домашнее русское: сначала занимался в Ревеле, у профессора Сигизмунди, а затем предпринял в молодых годах продолжительное путешествие за границу и долго учился в Фрейберге в существующей до сих пор знаменитой горной школе. Вероятно, это путешествие и долгое общение с западной цивилизацией облагородило вкусы Павла Григорьевича и внушило ему искренние стремления быть полезным своему бедному и невежественному отечеству. Он приобрел в Европе страстную привычку к собиранию художественных коллекций; кроме того, он собирал редкие и ценные рукописи и сочинения, впоследствии подаренные московскому университету; в числе этих рукописей была и его собственная на немецком языке о путешествии, с заметками о прослушанных за границею лекциях. Павел Григорьевич довольно серьезно занимался естественными науками. Линней, которого он слушал в Упсале, был его другом, и они долго впоследствии состояли в живой переписке. По всему видно, что Линней дорожил Демидовым не потому только, что последний обладал миллионами: Павел Григорьевич был ученым корреспондентом своего знаменитого друга и сообщил ему несколько описаний животных русской фауны, которыми впоследствии Линней воспользовался в своих сочинениях. Кроме Линнея и Бюффона, основатель лицея переписывался и с другими знаменитостями.

Вероятно, еще в это первое путешествие по Европе, окончившееся в 1762 году, при осмотре множества ученых и учебных заведений, в душе Павла Григорьевича невольно вставало воспоминание о далекой родине, совсем лишенной в то время образовательных средств и утопавшей в предрассудках и невежестве. И тогда же у него, вероятно, возникла мысль восполнить этот пробел учреждением высшего училища в России;

но привести в исполнение эту мысль ему пришлось гораздо позже.

За обширные научные познания, которые, впрочем, в тогдашней России могли быть оценены немногими людьми, Павел Григорьевич получил чин “советника берг-коллегии”, а при выходе в отставку – произведен в статские советники. Чин и при богатстве в тогдашнее время был необходимым ярлыком на уважение и внимание в обществе.

Но, видимо, “советника берг-коллегии”, привыкшего к западным порядкам, тянуло в Европу, и он снова в 1772 году направился туда и возвратился домой в 1773 году. С этого времени, как он сам говорит, вся жизнь его была посвящена “философскому уединению, рассмотрению природы и ученым созерцаниям”.

Как известно, в начале царствования Александра I русское общество переживало светлый момент. Европейские знания и идеи, доступ к которым был загражден при Павле, хлынули широкою волною на Русь: молодой государь, окруженный гуманными и образованными советниками, подавал хороший пример своим подданным. Предпринятые многими русскими путешествия и более живое общение с Европою привели в брожение молодое общество и забросили в него широкие идеалы общественных реформ...

В 1802 году, 8 сентября, был издан манифест об учреждении министерств, и в нем, между прочим, заключался призыв к частной инициативе и пожертвованиям на дело образования в России.

Павел Григорьевич одним из первых откликнулся на горячий призыв. В 1803 году основано на пожертвованные им средства Демидовское высших наук училище (теперь Демидовский юридический лицей), устав которого утвержден 28 января 18Q5 года, но впоследствии несколько раз изменялся. Средства, отданные Демидовым на дело образования, были следующие: 3578 душ крестьян, 120 тысяч руб. деньгами и кроме того 100 тысяч руб. Московскому университету и 100 тысяч на учреждение Киевского и Тобольского университетов. Сначала пожертвованные Павлом Григорьевичем крестьяне платили небольшой оброк, но с расширением и развитием учебного заведения, которому они отбывали “барщину”, этот оброк был возвышен с 10 руб. до 14 с души.

Итак, крестьянские души сослужили и в деле развития высшего образования на Руси первенствующую роль, – они были фундаментом при основании Ярославского Демидовского лицея.

Павел Григорьевич принес в дар Московскому университету

громадное собрание всевозможных редкостей: библиотеку, кабинет “натуральной истории”, медали и монеты всех времен и государств и богатый гербарий. Все это оценивалось знатоками не менее чем в 300 тысяч руб. и занимало в университете три “демидовские” залы. Но, к несчастью, многое из этой замечательной коллекции сгорело в 1812 году.

К истории пожертвований основателя Ярославского лицея прибавим, что оставленный им Тобольскому университету капитал в 50 тысяч возрос к 80-м годам текущего столетия до 150 тысяч руб. и пошел на учреждение Томского университета, в актовой зале которого поставлен портрет Павла Григорьевича. Оставленные об этом Демидове рассказы и воспоминания, а также и его собственные заметки рисуют его скромным, простым, кротким человеком и притом довольно скупым во всем, что не касалось любимых им предметов. Он был врагом роскоши и своим дворовым производил умеренное содержание, “чтобы они трудились, не предаваясь гибельной праздности”. Впрочем, слишком усердные панегиристы Павла Григорьевича раздувают в нем эту черту скромности к себе до не совсем вероятных пределов: на стол его за последнее время выходило будто бы не более 6 – 7 рублей в месяц, чему трудно, кажется, поверить. Знаменитый жертвователь, будучи простым человеком, естественно, не мог не оставить потомству и нескольких нравственных сентенций по поводу скромности. Он, например, часто говаривал, что “всякий должен довольствоваться чем его Бог благословил”. Очень понятные слова в устах человека, имевшего громаднейшие доходы!

Павел Григорьевич умер, не оставив потомства, в своем любимом селе Леонове (под Москвою), где провел большую часть жизни. Умер он в глубокой старости (83 лет), награжденный чинами и орденами за свои пожертвования. Он пользовался уважением всех знавших его и заслужил признательность потомства. Попечителем основанного им лицея является старший в роде Демидовых.

В Ярославле Павлу Григорьевичу поставлен памятник (бронзовая колонна на гранитном пьедестале), открытый в 1829 году.

Чтобы закончить наш очерк, нам остается теперь бросить беглый взгляд на последние портреты из галереи Демидовых – на князей Сан-Донато, жизнь которых проходила уже на наших глазах.

Эти Демидовы представляли полнейший контраст с предками. Последние были, как мы уже говорили выше, людьми с определенным миросозерцанием и упорно стремились к своей

цели – приобретению богатств и развитию горного дела. Первые изнывали в тоске, брались за всевозможные дела, чтобы заглушить свое разочарование жизнью, и умерли измученными, неудовлетворенными. Предки крепко сидели на своих заводах и копили капиталы; потомки, рассеивая свою тоску, исколесили вдоль и поперек Европу, бросали щедрою рукою миллионы, но наследие, оставленное им, было так громадно, что безумные траты не расстраивали их богатств. Предки были чистокровно русскими людьми, Сан-Донато стали истыми европейцами, почти не говорили по-русски (Анатолий Сан-Донато) и большую часть жизни своей провели вне родины. Тульские кузнецы Никита и Акинфий были женаты на простых женщинах из народа – Анатолий Сан-Донато был мужем родной племянницы Наполеона I. И в то время как предки оставили прочный след в истории, Сан-Донато промелькнули лишь блестящими метеорами на тусклом фоне русской жизни, рассыпая свое золото для утоления угнетавшей их скуки.

Анатолий Николаевич, первый из Демидовых князь Сан-Донато, был младшим сыном Николая Никитича Демидова, умершего во Флоренции, где он занимал место русского посланника. Этот посланник – тот самый Демидов, единственный сын Никиты Акинфиевича, который в 1812 году содержал целый полк и в юные годы отличался расточительностью и всевозможными выходками. В молодости над ним была учреждена опека, оберегавшая его имущества, а в зрелые годы он и сам переменил прежнее поведение, стал очень бережлив в расходах и оставил колоссальное состояние двум своим сыновьям, Анатолию и Павлу (отцу Павла Павловича Сан-Донато). В лице Николая Никитича потомство тульского кузнеца впервые соединилось с потомством именитых людей Строгановых, так как этот Демидов был женат на баронессе Елене Александровне Строгановой, присоединившей к капиталу мужа и часть громадных строгановских богатств.

Николай Никитич был любителем искусств и наук, собирал коллекции редкостей и принес в дар Московскому университету в 1813 году богатое собрание всевозможных ценных научных предметов, вознаградив таким образом старейший из русских университетов за утраченную им во время пожара 1812 года часть богатств, поступивших от Павла Григорьевича, основателя лицея в Ярославле[4]. Нужно еще прибавить, что Николай Никитич сохранял традиции рода Демидовых: он обращал большое внимание на горное дело, вводил в нем новейшие усовершенствования и оставил детям состояние, вдвое большее полученного от отца. Он же, кажется, первый из Демидовых, стал

тратить громадные суммы на общественную благотворительность за границею: им основан во Флоренции дом для призрения сирот и престарелых и положен на содержание их особый капитал. Вблизи этого огромного здания, на площади, называемой Демидовскою, благодарные флорентийцы поставили белую мраморную статую благотворителя, который представлен одетым в римскую тогу и обнимающим ребенка.

Анатолий Демидов родился во Флоренции в 1812 году и, видимо, любил этот старинный город Италии, которому придали столько блеска в свое время Медичисы, – тоже потомки торгового человека. Анатолий получил блестящее воспитание, знал толк в искусствах, говорил на всех языках, кроме русского, который он очень плохо знал. Большую часть своей жизни он провел в Европе, изредка лишь приезжая в Россию. Известны его охоты-монстры и гомерические попойки на Урале. Немалую популярность этими попойками приобрел он и за границею. На русских он походил разве только тем, что, подобно многим нашим богачам, никак не мог найти определенного дела, бесцельно шатался по свету и ухлопывал свои доходы. Русский промышленный человек, как и рантье, отличается великолепною способностью, чуть представится возможность, почить на лаврах и не может упорно и систематически работать: он сидит себе и отрезает только купоны. Ротшильд, как он ни богат, все-таки работает в конторе и опутывает государства конверсиями и займами, набивая свои сундуки. Но Анатолию досталось слишком громадное богатство, чтобы он считал необходимостью упорную работу и труд. Богатства валились сами ему в рот: в дачах его уральских заводов вскоре были открыты неоцененные платиновые и золотые россыпи. Его ежегодный доход оценивался в 2 млн. руб., даже более, и действительно, для человека без всяких общественных задач стараться об увеличении состояния при таких условиях было бы истинным сумасшествием. Самое, конечно, лучшее – отдать их на общественное дело; но куда же было девать такие огромные доходы? К несчастью, по этому назначению деньги идут далеко не всегда. И выбираются обыкновенно менее почтенные способы для расходования капиталов. Люди со вкусом и считающие себя покровителями искусств могут собирать художественные и научные редкости; можно дать за какую-нибудь монету времен царя Дария Гистаспа или обломок горшка эпохи Навуходоносора тысячи рублей. Это и делал Анатолий. Ему еще от отца досталось собрание картин, мрамора, бронзы и других редкостей, стоившее миллионы. Вещей было так много, что их привезли в Петербург на двух кораблях, и для помещения этого собрания было построено (в 1833 году) особое здание, так как

все, собранное Николаем Демидовым в Италии, не могло уместиться в обыкновенном доме. Анатолий умножил свои сокровища новыми бесчисленными приобретениями. В его коллекциях были и знаменитые самородки платины, единственные в мире по величине (один в 24 фунта) и, по чрезвычайной своей редкости, стоившие громадных денег.

Жил Анатолий Николаевич больше в Париже и в роскошной своей вилле Сан-Донато, близ Флоренции. Сначала, в молодости, он служил в министерстве иностранных дел. Но разве совместима была служба с характером Анатолия и его денежными средствами? На высоте такого финансового могущества человек бывает очень капризен. Если у баронов есть свои “фантазии”, то у богачей и подавно. Изнеженному, “великолепному” Анатолию невозможно было тянуть служебную лямку, связанную с известным подчинением, как бы оно легко ни было, – и он бросил службу. Получать чины и ордена для удовлетворения тщеславных желаний он мог и другим способом; для этого богачам есть более удобный путь: пожертвования крупных денежных сумм. И вот таким путем Анатолий стал князем Сан-Донато.

Мы уже говорили об основании Анатолием Николаевичем Демидовского дома призрения трудящихся, на что им дано 500 тысяч руб. Затем мы должны еще упомянуть о Николаевской детской больнице, на которую Анатолий с братом Павлом пожертвовали 200 тысяч. Первая в Европе детская больница была учреждена в Париже средствами правительства, вторая – основана в Петербурге Демидовыми. Император Николай назначил Анатолия потомственным попечителем больницы.

Громадное богатство обеспечило Анатолию вход в высшие сферы парижского общества. Капитал служит немалою притягательною силою и для “великих мира”: он растворяет двери даже самых чопорных салонов Сен-Жерменского предместья. И вот мы видим в 1841 году правнука тульского кузнеца мужем родной племянницы Наполеона I, графини Матильды де Монфор, дочери принца Жерома Бонапарта, бывшего короля Вестфальского.

Салон принцессы Матильды, жены Демидова, был в Париже сборным пунктом всяких знаменитостей. В интересном дневнике братьев Гонкуров можно прочитать много занимательного о знаменитых вечерах и обедах принцессы, которая не держалась исключительно аристократических симпатий и в салоне которой встречались люди всевозможных партий: всякое начинающее дарование находило у нее радушный прием.

Интересно было бы посмотреть на уральского магната, владельца десятков тысяч душ, среди этого цвета французской

науки, среди проповедников гуманности, равенства и идей свободы! Благодатные недра Урала и привыкшие к работе руки заводских крестьян добывали на все: и на содержание принцессы Матильды, и на ее обеды с цветом французской интеллигенции.

Император Николай I не любил Демидова; государю не нравилась женитьба Анатолия на сестре его политического противника, которому Демидов будто бы помогал во время президентства; не по душе также было Николаю I и то, что Сан-Донато проживал свои богатства за границею. В силу этих обстоятельств Анатолий редко бывал при русском дворе.

На что только не шли миллионы Демидова! Купив княжество Сан-Донато, Анатолий Николаевич, кажется, вообразил себя действительно владетельным князем. Говорят, у него была своя гвардия (2 или 3 тысячи человек), одетая в особые роскошные мундиры. От Флоренции в Сан-Донато специально ходили дилижансы, чтобы смотреть новоиспеченного князя, его роскошную виллу и сады. Приезжая в Россию, Анатолий снимал множество комнат в отеле “Наполеон” на Большой Морской. Наверху жили секретари, которых у него был целый десяток, а средний этаж занимал он сам. Демидов писал так нечетко, что сам не мог разбирать своей руки, поэтому и нуждался в секретарях, которым диктовал бумаги и письма.

Анатолию Демидову очень хотелось приобрести расположение Николая I. Он придумал принести ему в дар “царское место”, которое предполагал поместить в строившемся тогда Исаакиевском соборе. Это сооружение из малахита, ляпис-лазури, бронзы и золота было сделано довольно аляповато и безвкусно, но обошлось чуть не в сотни тысяч. Когда доложили Николаю I об этом “царском месте”, то император довольно резонно сказал: – С чего это он выдумал, что я стану в эту клетку?

Долго эта “клетка” валялась в разном хламе в Таврическом дворце, пока ее не поставили в соборе Александро-Невской лавры.

При восстании народа во Флоренции, для спасения своего приятеля великого герцога, не имевшего в то время готовых средств, Анатолий купил пароход, на котором герцог и уплыл.

В записках известного профессора-художника Солнцева есть много интересных рассказов о первом князе Сан-Донато, из которых видно, что этот богач, бросавший миллионы, иногда был “прижимистым” из-за рублей и часто не сдерживал своих обещаний. Так, например, он вздумал иметь свою биографию и поручил составить ее какому-то молодому человеку за 600 руб. Когда биография была готова, Демидов объявил, что больше 300 руб. не даст за нее.

– Вы за стол в Лондоне заплатили 100 тысяч, – вспылил биограф, – а мне не хотите дать вами же обещанных 600 рублей!

В конце 40-х годов Анатолий вздумал украсить мощи летописца Нестора (в Киеве). Задав великолепный обед, он сказал, что жертвует 27 тысяч руб., и поручил Солнцеву составить смету. Смета была составлена, но богач забыл о своем обещании. По его заказу написана Брюлловым известная картина “Последний день Помпеи”. Сам Демидов пробовал подвизаться и на литературном поприще: так, он писал (под псевдонимом Ni-Tag) письма в “Journal des Debats” – “Letters sur l'Empire de Russie”[5] и издавал роскошно свои сочинения: “La Crimee” и др.

Раз Анатолий приехал к нашему посланнику во Флоренции и, не застав его, оставил свою карточку, где он именовался князем. Посланник потребовал у него доказательств на княжеский титул. Анатолий ответил резким письмом, которое посланник доложил Николаю I. Недолюбливавший Анатолия император сказал:

– Ну и пусть только там он будет князем!

Этот титул разрешено было носить в России только племяннику Анатолия – Павлу Павловичу, к которому перешло и все неисчислимое богатство дяди.

Все, что только можно было испытать и получить в жизни богатому человеку, – все это досталось на долю Анатолия Демидова. После всевозможных приключений он умер бездетным вдали от родины, в Париже, 16 апреля 1870 года.

Его племяннику Павлу Павловичу судьба предназначила с детства вращаться в избранном и блестящем кругу титулованных, богатых и талантливых представителей русского общества.

Он родился в 1839 году в Веймаре, но уже в 1841 году, по второму году, будущему князю Сан-Донато пришлось испытать невознаградимую потерю: в этом году скончался его отец, егермейстер двора, Павел Николаевич[6], которого он был единственным сыном.

Матерью Павла Павловича была известная в свое время красавица Аврора Карловна, урожденная Шернваль, имевшая большой успех в свете, хорошо принятая при дворе и участвовавшая в придворных маскарадах. Изящество и простота ее туалетов вошли, кажется, в поговорку, хотя мы можем судить, насколько была дешева эта “простота”, по одному следующему факту: у нее на шее был обыкновенно надет только один бриллиант, на тоненькой цепочке, но это был знаменитый демидовский солитер, принадлежавший когда-то французской короне и купленный Павлом Николаевичем Демидовым за миллион рублей ассигнациями!

Мать страстно любила сына и сама занималась его

воспитанием. Правда, она не хотела допускать особых поблажек, желала быть даже строгою, но ведь известно, что такое строгость матери по отношению к единственному страстно любимому сыну.

Павел Павлович подготовился дома к слушанию университетского курса и в 1856 году поступил в студенты Петербургского университета на юридический факультет, окончив курс со степенью кандидата в 1860 году. В то время в университете было две партии: либерально-демократическая и аристократическая, представителем которой был молодой Демидов. Но он был настолько добр, ласков и участлив к товарищам, что его аристократизм даже в знаменитые бурные 60-е годы прощался ему. Свои товарищеские связи по университету он сохранил и после, что, конечно, можно отметить в нем как симпатичную черту.

Богатство, как какая-то волшебная сила, толкала Павла Павловича в далекие и прекрасные страны от холодной и печальной родины, – к югу, в чудную Италию с ее художественными сокровищами и благодатным небом. Он купил в Италии великолепное имение Медичисов – Пратолино, где жил часто и долго.

Его биографы говорят, что он хотел узнать нищету и бедствия: посещал больницы, тюрьмы и притоны в Париже, Лондоне, Петербурге и Киеве. Это нам представляется в особенности интересным и романтическим: “великолепный” Демидов в притонах нищеты и порока! Не представляло ли это симптома гуманной совести, сознавшейся в долге своем перед забитою и угнетенною нищетою? Или Сан-Донато делал это просто в припадках тоски, угнетавшей его частыми приступами среди невероятной окружающей роскоши?..

Сначала и этот Демидов служил: в 1867 году он женился на княжне Мещерской и перевелся из парижского посольства в венское. Этот брак Сан-Донато на девушке, которую он горячо любил, заставил его порвать с бурным прошлым. Но через год жена его скончалась. Он затосковал, бросил дипломатическую службу, поселился в Каменец-Подольске, где принял скромное место советника губернского правления; но эта служба была слишком плохим лекарством от его тоски, и он ее скоро оставил, переселившись в Киев. Наступившая пора оживления в общественной жизни разбудила и в его нервной душе желание послужить родине. Наиболее честною и почтенною службою представлялась ему служба по выборам, как знак доверия общества к избраннику. И вот мы видим его в Киеве почетным мировым судьею, а потом и городским головою. В 1871 году он женился во второй раз (на княжне Трубецкой) и устроился на

постоянное житье в Киеве.

Такие люди, как он, много пережившие и испытавшие даже в молодости, нередко прибегают к религии как к средству забыться от тоски, отдав на волю высшего Существа свою исковерканную жизнь, причем нередко религия представляет для них тихое пристанище, в котором они успокаиваются. И вот мы видим часто Павла Павловича в келий ректора духовной академии, архимандрита Филарета, беседующим о божественных предметах.

Избранный на второе трехлетие киевским головою, Сан-Донато, однако, не захотел служить и умчался опять на свою виллу, но турецкая война 1877 – 1878 годов вызвала его в Россию, и он стал действовать в качестве чрезвычайного уполномоченного от общества “Красный крест”.

Эта война, напрягшая все силы общества, заставила и князя Сан-Донато усердно работать. Обладая громадными средствами, он не щадил их, и было бы, конечно, непростительным эгоизмом жалеть деньги там, где тысячи жертвовали жизнью. В 1880 году Демидов поселился в Петербурге. Состоя в звании егермейстера двора, он вращался в высшем придворном кругу, а владея большими количествами всевозможных акций и облигаций, был, конечно, очень видным лицом в разных банках и обществах; но сомнительно, чтобы его “мятущаяся душа” нашла в этих сферах счастье и успокоение.

В это же время он основательно изучал еврейский вопрос и в известной брошюре “Еврейский вопрос в России”, изданной в 1883 году, старался на почве беспристрастия решить спор о евреях. Нужно еще сказать, что на средства Сан-Донато издавалась газета “Россия”, издание, не имевшее успеха и вскоре прекратившееся.

Россия, Франция и Италия знают его как щедрого благотворителя. За все время деятельности Сан-Донато пожертвования его измеряются миллионами.

Павел Сан-Донато умер в Италии в 1885 году, 46-ти лет, среди той же роскоши, какая была уделом всей его жизни.

“Его мятущаяся душа, – сказал над гробом Павла Павловича в своей речи священник из Флоренции, – старалась сбросить с себя цепи богатства и искала правды”. И только, кажется, в смерти эта “мятущаяся” душа нашла успокоение: вероятно, “оковы богатства” и “большой свет”, с его тяжелыми условиями этикета и лицемерия, мешали ему найти при жизни это успокоение; мешали найти такое дело, к которому мог бы горячо привязаться покойный и сродниться с ним.

Павел Сан-Донато похоронен на Урале, среди своих необъятных владений. В истории горного дела на Руси за ним не

встречается заслуг: слишком велико было оставленное предками наследие, слишком богаты недра тех частей Урала, где стояли его заводы, чтобы он еще нуждался в увеличении интенсивности производства и в применении новейших способов работ. До сих пор еще неисчерпаемый источник богатейшей в свете руды представляет гора Магнитная, из которой берут материалы демидовские заводы. А богатые золотые и платиновые россыпи дач Нижнетагильского завода, где добывались ежегодно десятки пудов золота, а в иные годы до 140 пудов платины, надолго еще будут обеспечивать потомков Никиты и Акинфия Демидовых.

В начале нашего исследования о Демидовых стоят крупные фигуры тульских кузнецов – Никиты и Акинфия, людей с железною волею, с определенным складом мыслей, оказавших большие услуги горному делу в России и оставивших громадное богатство своим потомкам; а в конце мы видели Павла Сан-Донато, человека с мягким сердцем и больною волею, которому, несмотря на богатство, пришлось испытать в житейской сутолоке немало терзаний и горестных ударов. Но если мы и мало говорили о других, не менее важных, но незаметных героях демидовской эпопеи, то присутствие их, мы думаем, видит сам читатель: это те “приписные” к заводам и всяких других категорий крестьяне, работа которых создавала славу и богатство их владельцам.

Источники

1. *Г.Спасский.* Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова, основателя многих заводов на Урале.

2. *К. Головщиков.* Род дворян Демидовых.

3. *С.Н. Шубинский.* Исторические очерки и рассказы.

4. *Е. П. Карпович.* Замечательные богатства частных лиц в России.

5. Брошюра “Памяти П. П. Демидова – князя Сан-Донато”.

6. *Дерябин.* Историческое описание горных дел в России.

7. *В. И. Семевский.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II.

8. *Герман.* Историческое обозрение Колывано-Воскресенских заводов.

9. *Н. Чупин.* Географический и историко-статистический словарь Пермской губернии.

10. *Н. Чупин.* Сборник статей, относящихся к Пермской губернии.

11. *Голиков.* Деяния Петра Великого.

12. *И. Комаров.* Брошюра “В память столетнего юбилея С.-Петербургского коммерческого училища”.

13. Журналы: “Русский архив”, “Русская старина”, “Исторический вестник”, “Горный журнал” (статьи *В. Рожкова, Н. Чупина* и пр.), “Вестник Европы” (статья *В. И. Семевского)* и мн. др.

14. Газеты: “Ярославские губернские ведомости”, “Пермские губернские ведомости” и др.

notes

Примечания

1

Что-то вроде полицейской должности и одновременно сборщика казенных податей

2

Майорат – феодальное право наследования

3

Так проходит земная слава *(лат.)*

4

Николай Никитич принес в дар горному институту редкий самородок платины в 11 фунтов

5

Письма из России

6

Учредитель известных “демидовских премий”